

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ЗВЕЗДА

ИЛИ А ЖИЗНЬ ТАК КОРОТКА!

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

А жизнь так коротка!

«ЭКСМО»

2000

Колычев В. Г.

А жизнь так коротка! / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2000 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Если встал на бандитскую тропу, придется идти до конца. Леону это ясно с самого начала, как только он поучаствовал в первой разборке и убил первого `братка` из враждебной группировки. Его путеводная звезда – Наташа, дочь все сильного городского пахана Графа, ради нее он будет рваться к вершинам криминальной власти. Он знает, какие реки крови будут пролиты во время `стрелок` и разборок с соперниками, – после гибели Графа каждый из них хочет прибрать к рукам город. И Леон готов пролить эту кровь. Роман издавался под названием «Последний герой».

Содержание

Пролог	5
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	29
Часть вторая	44
Глава первая	44
Глава вторая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Владимир Колычев

А жизнь так коротка!

Пролог

Заводные ритмы забугорной попсы с грохотом вырывались из здоровенных колонок, смешивались с коктейлем из светомузыки и визга обалдевших от музыкальной какофонии девок. Дискотека была в самом разгаре.

Пацаны-малолетки походкой зомби выписывали круги по душному залу. Кислые рожи, мутные взгляды, руки в брюки – все это, по их мнению, должно было придать им крутизны. Крутые или нет, но кучей они герои. Всемером одного не боятся. Только задень одного, и на тебя навалятся всей толпой. Тем более, если ты здесь чужак.

Леона на этой дискотеке не знал никто. Это другой район города, кой черт занес его сюда. Но здесь он не один, с друзьями. Он, Андрон, Боб и Жорж – вот и все. Но такую команду еще поискать. Любой наезд отобьют. По восемнадцать им, этой весной в армию забреют...

– Сарай, а не дискач, – недовольно буркнул Жорж. – Дебилы одни...

Леон не мог с этим не согласиться. Только в их районе дискотека ненамного лучше и дебилов также хватает. Но всяк кулик свое болото хвалит.

– Может, свалим? – спросил у Леона Андрон.

– Стремно здесь, – поддакнул Боб.

Андрон и Боб всегда думают одинаково. И это неудивительно. Они близнецы.

– Пошли, – пожал плечами Леон.

И действительно, чего они здесь забыли? Зашли, посмотрели, и хватит. Тем более еще до дому добираться. А это не ближний свет.

Но уйти они не успели. И всему виной одна девчонка. Она неосторожно вывалилась из круга танцующих и случайно толкнула местного «князька», проходившего мимо в сопровождении таких же дебилов.

– Э-э, ты чо, коза!

«Князек» схватил девчонку за волосы и притянул к себе. В глазах гнев, рот перекошен от бешенства. Ну как же, толкнули...

– Я нечаянно, – испуганно завопила девчонка.

– Пошла на хрен!

«Князек» брезгливо оттолкнул ее от себя. Немного подумал и с силой хлестнул ладонью по щеке. Бедняга потеряла равновесие и приземлилась задницей на пол. Высоко вверх взметнулись ее стройные белые ноги.

Ну герой, с девчонкой так лихо расправился. Ноги сами понесли Леона к нему.

– Ну ты и мразь! – сказал он, вплотную подступив к «герою».

– Чего? – на приклатненный манер протянул тот.

Леон не ответил. Он резко подался вперед и головой ударил его в переносицу. «Князек» отлетел назад и грохнулся на пол. Полный отруб, даже не ойкнул.

– Э-э, ты чо, в натуре? – загудела на Леона толпа.

Из-за его спины выступил Жорж. Под два метра ростом, в плечах косая сажень – настоящий богатырь. Одним своим видом он внушал страх.

А еще за спиной у Леона стояли Андрон и Боб. По комплекции они уступали Жоржу немногим. Да и сам Леон смотрелся не слабо. А тут еще такой удар у него – пацаны были в шоке. Но гоношились больше для понта.

– Пошли, – Леон протянул девчонке руку.

Ее нельзя было оставлять здесь одну.

Уходили они впятером. В вестибюле клуба немного задержались: девчонка забрала из раздевалки куртку. Апрель на дворе, да еще поздний вечер – холодно.

– Спасибо вам, ребята, – сказала девчонка, когда они вышли из клуба.

– Сколько тебе лет? – спросил Леон.

– Пятнадцать...

– Мала еще на дискотеку ходить...

– Да знаю... Но интересно ведь...

– А по морде получать интересно?.. Ладно, не обижайся, я не со зла...

На лицо она не очень. Как будто пьяный скульптор лепил – хотел сделать красавицу, но не судьба. Нос непропорционально крупный, рот большой, губы узкие, подбородок вперед выпирает. Но не уродина. Глаза у нее красивые, и кожа нежная, матовая. И фигурка ладно скроена. Когда она падала, Леон видел ее ноги – длинные, крепкие, мускулистые. Может, спортсменка...

– Ты спортом занимаешься? – спросил Леон.

– Да, у меня первый юношеский по лыжам...

– Неплохо...

– А еще меня Олесей зовут. – В ее голосе звучала обида.

Заботу Леон о ней проявил, а вот имени спросить не удосужился. И как женщиной ею не интересуется.

– Леонтий...

– Очень приятно...

Олеся явно запала на Леона. А он нос от нее воротит. Может, зря? Не красавица она, это да. Но ведь и на нем, можно сказать, природа отдыхала. Широкие скулы, массивная нижняя челюсть, нос приплюснутый. Словом, не приманка для девчонок. Но ведь он мужчина, для него красота не главное.

– Ты это, если со спортом в ладах, к нам присоединяйся, – начал Леон, но закончить не успел.

– О, да за нами «хвост», – пробасил Жорж.

Судя по голосу, он был очень доволен.

Леон оглянулся. Их стремительно нагоняла толпа пацанов. Рыл так десять, даже больше. У некоторых в руках палки – с забора штакетины повырывали, что ли...

– По нашу душу, хмыри, – заметил Андрон.

– Зря они это, – разворачиваясь лицом к противнику, сказал Боб.

Толпа эта с дискотеки валит. Палки у них, но это наверняка не все. Скорее всего и «пики» у кого-то есть, и кастеты. За обиженного мстить собираются. Только самих бы кто не обидел.

– А куда это к вам присоединяться? – глядя на Леона, спросила Олеся.

Она как будто не замечала приближающейся опасности.

– Сейчас все поймешь...

Леон снял с себя ветровку, намотал ее на руку. Какая-никакая, но от дрына защита.

– Ну что, в полный контакт? – сказал Жорж.

– А то... – кивнул Андрон.

Они встали вчетвером в одну линию. Ноги на ширине плеч, руки опущены вниз, взгляды напряжены. На лицах ухмылки. Давайте, мол, придурки, подходите.

Толпа остановилась в пяти шагах от них. Вперед вышел коренастый крепыш с перекошенным от злости лицом. На вид лет двадцать. Наверняка центровой.

– Эй, кто тут из вас, козлов, Ступу замесил?

– А ты у шакалят своих спроси, – хмыкнул Боб. – Они все видели...

– Вот этот, – показал на Леона пальцем один из толпы.

– А хочешь, покажу как?.. – спросил Жорж.

В какую-то долю секунды он преодолел расстояние до центрального, схватил его за грудки, оторвал от земли и с силой врезал головой в переносицу. Это у него вышло не хуже, чем у Леона.

Толпа была обезглавлена. Но надо отдать должное пацанам, те не трусили. Тишину улицы сотряс дружный рев, и карусель закрутилась.

Леон опасался не зря – первый, кто набросился на него, выхватил из кармана нож. Щелкнуло выкидное лезвие. И тут же метнулось в его сторону. Но, увы, нападавший попал в пустоту.

Уклонившись от удара, Леон заблокировал руку с ножом, взял ее на прием, заломил за спину, выбил оружие. Одновременно ногой достал в челюсть второму нападавшему. Удар получился. Хрустнула кость, и противник пластом рухнул на землю.

Стремительной подсечкой Леон сбил с ног первого своего противника и, пока тот падал, достал его костяшками пальцев в висок. И этот уже не боец.

Третьего он прозевал. И получил за это палкой по спине. Второй удар отбил рукой – пригодилась-таки ветровка. И тут же зарядил ногой нападавшему в пах. На десерт рубанул ладонью по сонной артерии. Третий пошел...

К этому моменту Жорж столкнул лбами двух своих клиентов и присоединил их к бесчувственному телу под ногами. Андрон и Боб лупились с пятерыми. Два на два: трое уже были в отключке.

На глазах Леона Боб красиво припал к земле, крутнулся вокруг невидимой оси и провел подсечку. Его противник слетел с копыт, забросил ноги высоко вверх и шлепнулся на спину, сильно ударившись головой об асфальт. И этот списан со счетов. Андрон эффектно выпрыгнул вверх, развернул корпус в воздухе, вынес ногу на уровень головы. Хлесткий пружинящий удар сотряс голову его соперника и выбил из него сознание.

– Ну вот, теперь будут знать камышовских, – прогрохотал Жорж, потирая от удовольствия руки.

Он обожал драки. Хлебом не корми, дай кулаки почесать.

– Ну вы даете! – Восхищению Олеси не было предела.

– Это карате, – сказал Леон.

– Здорово!

– Можешь присоединяться к нам. Научим...

– Это правда?

– Да без балды, – подтвердил Андрон. – Брательник Леона секцию набирает, приходи...

К восточным единоборствам Леон был приобщен с детства. И все старший брат. Сам Иван начал заниматься карате уже в институте, до фанатизма им увлекся. И Леона стал с собой на тренировки тягать. Хочешь не хочешь, а будь добр трудись. Брат ему спуску не давал, гонял до седьмого пота, все силы выжимал. Леон и своих друзей к этому делу пристроил, совсем они еще тогда малыши были.

– Приду, обязательно приду...

Олеся жадно поглядела на Леона. Да, похоже, она запала на него крепко.

* * *

В кимоно Олеся смотрелась неплохо. Особенно когда нога взлетает на уровень головы. Молодец, девчонка! Всего два месяца занимается, а уже какие результаты. Великолепная реакция, природная пластика, отличная координация движений, сила тренированных ног, а если к этому добавить опыт и умение, то выйдет термоядерная смесь. Но до этого еще работать и работать...

– Так, ногу чуть правей, бедро назад, руку сюда...

Леон работал с ней на правах инструктора, помощника сенсея. Для нее он был учителем. И она покорно слушала его и подчинялась. И всегда при этом смотрела на него с тайным упреком. Ведь встречались они только здесь, в школьном спортзале, и нигде больше. А она хотела ходить с ним в кафе, в кино, на дискотеки. Но Леон держал ее на отдалении.

– Из тебя выйдет отличный боец, – сказал он. – На следующей тренировке мы с тобой поработаем в спарринге...

– В спарринге? – не смогла она скрыть удивления. – С тобой?.. Да мы же с тобой как небо и земля...

– Ничего, за два года ты многому научишься...

– А что, следующая тренировка через два года?

– Для тебя нет, для меня – да... Я завтра в армию уйду...

От изумления Олеся сбилась с дыхания.

– А почему я узнаю об этом только сейчас?

– Так получилось...

– А на проводы пригласишь?

– Я приглашаю, – послышался голос Жоржа.

Он только что закончил работать в паре с Андроном. Теперь можно и язык почесать.

– А при чем здесь ты?

– Да при том. Мы все четверо уходим...

Вообще-то, у Жоржа была отсрочка от призыва. Он техникум свой только осенью заканчивал. Но он пожертвовал учебой ради того, чтобы попасть служить вместе с друзьями. Мало того, в военкомате он задолбал всех – добился, чтобы его, Леона и братьев-близнецов включили в одну команду и призвали на службу в один день. И вот результат – завтра все вместе они отправляются на сборный пункт.

* * *

Дом Андрона (Андрея) и Боба (Бориса) Степиных располагался в частном секторе, совсем недалеко от пятиэтажки, где жили Леон и Жорж. Во дворе был накрыт стол человек на сто, не меньше. Родители братьев расстарались, да и предки Леона и Жоржа внесли посильный вклад. Первые два часа гости гудели по теме – проводы в армию. Затем большинство забыло, зачем собрались. Пошла разгульная пьянка.

Андрона и Боба провожали подруги, Маринка и Танюшка, очень симпатичные девчонки. Из армии ждать обещали. У Леона девушки не было. Как-то и не думал о них. Жорж также был в пролете. Но старался наверстать упущенное – усиленно ухаживал за Олесей. Глаза блестят, губы дрожат. Нравится ему девчонка. И совершенно не обращает внимания на недостатки в ее внешности. Да и Леон, если честно, уже не замечал их. Даже приревновал Олесю к другу – настроение испортилось. Зря он пустил ее по боку. Повернуть все вспять нельзя: Олеся уже занята. Не отбивать же ее у друга... К тому же у него это вряд ли выйдет. Не смотрит на него Олеся, ее только Жорж и занимает.

Леон сам не заметил, как пропустил вторую рюмашку, затем третью... Голова приятно закружилась. Жорж также снял себя с тормозов. Тосты сменялись тостами. Ближе к полуночи часть столов убрали, освободили место для танцев. Загрохотала музыка, задержались руки, ноги. Леон сидел за столом, тупо смотрел, как кружит вокруг Олеси изрядно захмелевший Жорж. Его явно штормило, но он этого не замечал. А потом они куда-то исчезли. Как будто растворились в воздухе.

Неужели уединились? А вдруг у них того... Но это же совращение малолетних. Идиот он, этот Жорж...

Леон немного посидел, затем опрокинул в себя рюмку водки, поднялся из-за стола и направился в дом. Его грызла ревность, усиленная хмельными парами. Заглянул в одну комнату, в другую – никого. В третьей увидел Жоржа. Друг лежал в одежде на застеленной кровати и мирно дрях. Не рассчитал силы: с питьем у них строго, режим. Перебрал с непривычки. А где же Олеся?

– Я здесь, – как будто отвечая на его мысленный вопрос, прошептала она.

Олеся подошла сзади, легонько прижалась к нему. По телу Леона пробежала волнующая дрожь. Но обида пересилила возбуждение.

– Ну чего ты ко мне липнешь? – отстраняясь от нее, спросил он. – Тебе Жорж нужен...

– Дурачок, – тихонько рассмеялась она.

И подтолкнула его в спину – он оказался в глубине комнаты. И тут же за ним закрылась дверь. А еще спустя мгновение он почувствовал жаркое дыхание Олеси. Она прильнула к нему, поднялась на цыпочки и заглянула в глаза. В свете фонаря за окнами ее лицо казалось верхом совершенства. Он тонул в ее глазах.

Как будто волной его накрыло – закружило, понесло, мысли смешались. Он полностью потерял над собой контроль...

Робкий луч раннего солнца коснулся его щеки – от этого он проснулся. Бездумно потянулся, зевнул. И тут словно какая-то пружина подбросила его. Он рывком сел, огляделся. И нарвался на взгляд Олеси. Она лежала на кровати – ее наготу скрывала простыня. На губах ее играла довольная улыбка.

– Что с тобой? – чуть насмешливо спросила она.

Конечно, Леон догадался, что с ним произошло. Пьяный Жорж на диване, затем Олеся, ее жаркие объятия, а потом ничего – провал в памяти. Но домыслить дальнейшее нетрудно... Неужели он переспал с ней?

– А где Жорж? – спросил он.

– Ты что, ничего не помнишь? – удивилась Олеся.

– А что я должен помнить?

– Ты же его сам перетащил в другую комнату...

Пьяная сила – страшная вещь, если он смог взять такой вес, как туша Жоржа.

– А потом?

– А потом нам с тобой было очень хорошо. – Олеся смело смотрела ему в глаза.

Никакого смущения в ее взгляде. Не стыдится – значит, ничего серьезного между ними не было.

– Я помню, у тебя были такие сладкие губы...

Да, губы у нее и в самом деле обалденные на вкус – это он еще помнил.

– Ты пробовал не только мои губы, – на этот раз она засмушалась. – Ты сделал меня женщиной...

Фу-ты ну-ты... Леона прошиб холодный пот. Олесе всего пятнадцать, а он ее... Ну, козел!

– Да ты не бойся, я сама этого хотела... Ты не думай, я уже взрослая. Мне только по годам пятнадцать, а так я на все восемнадцать тяну...

Это и в самом деле так. Олеся выглядела старше своих лет. И тело у нее гораздо более развито, чем у ровесниц. Но все равно это ничего не меняло... Ну-у, развратник...

– Теперь я твоя девушка, правда? – В ее глазах светилась надежда.

– Ну да...

– Я буду тебя из армии ждать...

– Хорошо...

«А может, и не очень...»

– Нам уже пора собираться... Отвернись, я оденусь...

Леон не заставил себя упрашивать – отвернулся. Но тут его как будто бес за ниточку дернул – голова его сама повернулась к Олеся.

Она стояла к нему спиной. Совершенно голая. Фигурка идеальная – длинные стройные ноги, поджарая попа, узкая талия, спина без единого прыщика, роскошные волосы ниспадают на плечи.

– Ты что, подглядываешь? – Она резко обернулась.

Прежде чем отвернуться от нее, Леон успел рассмотреть ее лицо. Да, с мордашкой у нее проблемы. И как-то не по себе стало... А что, сам красавец?.. Но самобичевание не сняло неприятный осадок с души.

Часть первая

Глава первая

– Возьмешь все на себя, Вася, и все дела...

Крупный мужчина с хмурым волевым лицом исподлобья смотрел на рыжего толстячка с бегающими глазками. Вольготно рассевшись за столиком, он достал дорогую сигарету. Тут же к нему подошел официант, щелкнул зажигалкой. Мужчина закурил, с наслаждением втянул в себя дым. Толстячок тоже достал сигарету, нервно закурил.

Федор Астахов, он же вор-рецидивист по кличке Граф, среди блатных в Задворске имел большой вес. Три ходки за спиной, «жулик», до законника один шаг. Платон, вор в законе, пахан задворской братвы, он же хранитель общака, уже стар, на ладан дышит. Граф его правая рука. Братва его уважает, слушается, как самого Платона. Особенно сейчас, когда Платон уже третий месяц в больничке. Туберкулез у него, последняя стадия.

Вся власть сейчас у Графа. И к общаку он доступ имеет. Как раз на «бабки» братвы он и провернул одно очень выгодное дело.

Перед ним сидел Василий Самохвал, бывший зампреда горисполкома. В начале восьмидесятых он погорел на махинации с квартирами. И угодил за «колючку». Братва его с говном бы схавала, если бы не Граф. Он авторитетным зеком был, его слово много значило. Короче, подписался он за Васю, не отдал его на раздербан. Как будто чувствовал, что когда-нибудь этот хряк ему пригодится.

Два года назад Вася откинулся. Достал из заглазника свои капиталы, до которых не смогли дотянуться менты, и начал крутить дела на ниве частного предпринимательства. Хватка у него железная, котелок варит не хило, а главное, связи. Старые и новые. Этот пройдоха обладал уникальной способностью заводить нужные знакомства, находить себе покровителей. Знал, кому и сколько дать на лапу.

Граф на свободе уже год гуляет. Но Васю не трогал, о старом долге не напоминал. А не так давно у него идея возникла. В Задворске крупнейший алюминиевый комбинат. Если закупить партию металла по льготному тарифу, перегнать его за бугор и толкнуть по мировой цене, навар получится хороший. Но и это еще не все. За тем же бугром можно отовариться видеотехникой, например. В Союзе она разойдется вмиг, за бешеные «бабки». Этот вариант подсказал один умный человек. Покумекал Граф и решил разыграть эту карту. Вот тогда-то и появился Вася. За покровительство на зоне нужно платить. И не деньгами, а кое-чем другим. А заартачишься – перо в бок. Астахов шутить не любил, и Вася это знал хорошо.

И Самохвал закрыл дело. Через подставных лиц зарегистрировал несколько коммерческих фирм, договорился о льготной цене на партию металла – последнее не без участия Графа, пришлось кое-кому сделать внушение. И дальше все прошло удачно. Закупленный товар по отлаженным каналам был переправлен за границу. Он ушел влет. По полторы штуки баксов за тонну. Без проблем была закуплена значительная партия японских телевизоров и видеомagneтофонов. В Союзе техника разошлась в момент. В дело Граф вложил общаковские «бабки». На большой риск шел. В случае неудачи он остался бы не только без денег, но и без головы. Но дельце выгорело. И навар неслабый в казну воровскую положил. Себе почти ничего не оставил. Так, на кабак да на табак. А ведь мог бы тачку себе купить, «волжанку», например... Но это потом...

Грех после одной удачной аферы завязывать узел. Нужно продолжать это дело с алюминием. Ведь и завязки есть конкретные, и каналы отлажены. Но... Не все прошло гладко. Что-то Вася не так сделал. Менты алюминиевой аферой заинтересовались. На него, фраера, вышли.

Быть Васе «терпилой». А может, и отвергнется. Ведь времена сейчас вовсе не те, когда за один несчастный колосок десять годков накидывали.

– Но я ж не один был...

– Обо мне забудь, понял? Не было меня. А кинешь мазу на меня ментам, все, заказывай путевку в Сочи. Рубишь?.. Да ты не ссы, Вася. На кичмане, если зачалишься, тебя не тронут, отвечаю. Как сыр в масле будешь кататься до самого «звонка». А сдашь, тебя на хате сначала закончат в пердильник, а потом на нож поставят. Сечешь?

Вася все понимал. А потому имел бледный вид. И Граф был уверен, что этот хряк возьмет все на себя. У него просто нет иного выхода.

А если вдруг Самохвал выпутается из этой истории, Граф опять провернет дело с металлом. И никуда Вася от него не денется. Снова будет пахать на благо воровского общака. Но уже не за страх, а за долю в деле. Пусть у него возникнет хоть какая-то иллюзия свободы...

Граф докурил сигарету, вдавил ее в хрустальную пепельницу и поднялся.

– Мне пора, – небрежно бросил он.

На выходе из ресторана Графа ждали. Братки. Два татуированных крепыша в несвежих шелковых рубашках под куртками-ветровками и потертых джинсах. Сразу видно, бывшие зеки. Сутулые, хищные оскалы, фиксы на солнце отсвечивают, темно-коричневые от чифиря зубы. Гребень и Хлыст, «шестерки» Платона, он сразу их узнал. В двух шагах от них стояла белая «Волга» двадцать четвертой модели.

Из своих тридцати семи пятнадцать лет Граф провел в неволе. И чифирь хлебал, и волком умел смотреть, и татуировок на нем не счесть. Но, глядя на него, не скажешь, что он отпетый уголовник. В воровском мире он «дворянин» не только по положению, но и по образу жизни. Всегда чистый, ухоженный. Вот и сейчас на нем дорогой костюм-тройка, свежая сорочка слепит белизной, галстук по моде. Туфли лакированные сияют. В руке трость с набалдашником. Прическа у него короткая, за волосами парикмахер следит. Лицо холеное, выбрито до синевы. Не зря ему благородную кликуху дали.

– Граф, мы за тобой, – сказал первый.

В его голосе звучало уважение. Но в то же время взгляд был полон злобы.

– Платон кличет, – добавил второй.

Мог бы и не объяснять.

Платон был совсем плохой. Худой, бледный.

– Ты что, Граф, барыгой заделался? – спросил он.

Хрипит, задыхается.

– С чего ты взял, Платон? – нахмурился Граф.

– Ты зачем общак тронул?

Понятно, это он о сделке с алюминием.

– Каюсь, лаве брал. Но все вернул, до копыя. И навар сто пятьдесят кусков не зажал...

– Я знаю, ты не крыса, ты честный «бродяга»...

Платон сильно закашлялся, начал отхаркиваться. Противно смотреть. Но в глазах у Графа ни тени отвращения. Не по понятиям это – нос от больного пахана воротить.

– Это хорошо, что ты общак греешь, – продолжал Платон. – Но ты вор, а не барыга... Короче, Граф, «косяк» ты упорол. Не буду я за тебя слово говорить перед ворами...

Вот так, Граф жирное дело для общего блага провернул, а ему за это «правилка». Скоро его короновать должны, но не быть ему пока законником: не подпишется за него Платон. Ну да, правильный вор не должен коммерцией заниматься... Чушь это все! «Бабки» нужно делать на всем. Даже на платных сортирах, если на то пошло. Это уже многие поняли. Только не Платон. Он по старым законам живет, с ними и в могилу сойдет...

От Платона Граф уходил в расстроенных чувствах. Еще бы, в коронации ему отказали. А ему уже давно пора в законных ворах ходить. Созрел он для этого. Ладно, отложим на потом...

Главное, Платон не развенчал перед братвой. Хотя, конечно, «рамс» останется – а это большой минус. Не сегодня завтра Платон откинет копыта. И, может быть, Графа сочтут недостойным занять его место. Только хрена с два кто его обойдет.

Сейчас наступают новые времена. Власть слабеет, менты уже не те. Все продается, все покупается. Хватит потрошить чужие карманы и чистить «фатеры». Это благородно, без вопросов. Но опасно, и «бабки» не те. Другое дело коммерция, легальная и теневая. Были бы финансы для раскрутки, а с головой у Графа все в порядке. И хватка у него деловая есть – выгоду он свою не упустит. А еще «торпеды». Много желающих погреться на том же алюминии, непонятки возникнут. Стрелки, разборки как итог. И куда он тогда без своих пацанов?..

Вечером того же дня Граф снова был в ресторане. С ним за столом сидела Анжела, его старая любовь. И единственная в его жизни женщина, к которой он относился серьезно...

Двадцать три года ему было, когда он «откинулся» с первой отсидки. Чуть ли не в первый же день на свободе вместе с кентами он бомбанул магазин. Много «бабок» с собой унесли и товару немерено. Хорошо наварились. И пошла гульба вселенская. Анжелу он на танцах снял, потом в кабак повел. Долго за ней вился, пока в постель затащил. Хорошо им было вдвоем, особенно ему. Всю малину испортили «мусора». На «скоке» Граф прокололся, законали его в стальные браслеты и в «воронок». Прощай, Анжела, привет, хозяин... Пять лет он зону топтал, а когда «звонок» отзвенел, снова в Задворск. И сразу к Анжеле. А там облом. Замуж она вышла. Ребенок у нее, девочка, Наташей зовут. Но он не отставал. И умудрился-таки Анжелу к себе по новой в постель затащить. Раскололась она. Все как на духу выложила. Оказывается, Наташа его, Астахова, дочь. Муж ее не при делах. Такие вот пироги...

В третий раз Граф к хозяину на восемь лет загудел. Год назад «откинулся». И снова к Анжеле. В семейной жизни у нее все без изменений. По-прежнему живет с мужем, в любви и согласии. Но и Графа она по-своему любит. И время от времени позволяет себе слабость изменить мужу. Как вот сегодня. Ведь после ужина в ресторане их обоих ждет чудесная ночь в гостиничном номере. У Графа на этот счет все схвачено.

– Наташа седьмой класс закончила, – сказала Анжела.

Графу всегда приятно слышать о дочери. Пусть она и не знает о своем настоящем отце, зато он в курсе всех ее дел.

– Куда на лето?..

– Да дома будет сидеть. В пионерский лагерь, хоть убей, ехать не хочет...

Наташа – девчонка с характером. Вся в отца.

– Ты ее в Ялту свози. И сама отдохни...

– Нет, Николай уже отгулял свой отпуск. Его в этом году в марте отправили...

– А зачем тебе Николай? Сама поезжай. И я за тобой. Отдохнем, погуляем...

– Эх, Федор, Федор, горе ты мое, – улыбнулась ему Анжела. Красивая женщина, с ума сойти какая красивая. – Ну откуда ты взялся на мою голову?

– Значит, согласна...

– А Николай?..

– Как-нибудь уболтаешь...

– Ладно, постараюсь...

Никуда не денется от него Анжела. Никуда! Как он скажет, так и будет...

* * *

До Задворска от Москвы Леон добирался четверо суток. Но не устал. А с чего тут устанешь? Путешествие на поезде, да еще в купейном вагоне, сущий кайф. Да еще попутчики хорошие попались. Два мужика, оба веселые. И выпить не прочь. Леона тоже сговорили.

До армии он вообще почти не пил. Зато в Афгане выпивать приходилось, когда случай позволял. Спирт отлично стресс снимает – Леон в этом убедился. Особенно сразу после боя хорошо на грудь принять.

Пока до Москвы добирался, спиртного во рту не держал. И те два дня, которые подле Жоржа провел, к стакану не прикасался. Какая уж тут выпивка, когда с другом беда. Жоржу на войне досталось, до сих пор не оклемался. Позвоночник ему повредило – с трудом передвигается. Но врачи вроде верят, что скоро он будет совсем здоров.

А вот пока из Москвы до Задворска ехали, раз десять за Жоржа тост толкал. За его здоровье заставлял выпить. А как за Героя не выпить? Леон и сам Герой – орден и медаль у него. Только он их никому не показывает. Не хочет хвастаться. Вот матери и отцу покажет. Пусть порадуются за сына...

А Боб с Андроном после Афгана в военное училище поступили. Привлекательной им армейская служба показалась.

Леон вышел из вагона, жадно вдохнул в себя свежий воздух. Родная земля! Только что-то она уходит из-под ног. Ах, да, он же выпивши...

– Леон, дорогой! – услышал он.

И тут же почувствовал тепло девичьего тела. Это его обняла Олеся. Он ощутил вкус ее губ.

– Как ты узнала, что я приезжаю? – спросил он, мягко отстраняясь от нее.

– А я знаю, что ты вот-вот должен приехать. И встречаю каждый поезд...

Вот, значит, как она его ждет. Подруга-героиня... И вид у нее героический. Крепкая баба – в самый раз коня на скаку останавливать. Совсем женщиной стала. Лет двадцать на вид, не меньше. В короткой юбке она и в туфлях на высоких каблуках. Да, фигурка у нее зашибись. Только вот с лицом по-прежнему не все ладно.

Леону хотелось радоваться встрече. Да что-то не получалось. Не тянулась душа к Олеся, и все тут. Но ведь она его два года ждала, не может же он послать ее подальше...

– А ты вроде немного пьян, – хозяйским взглядом посмотрела на него Олеся. – С чего это?

– Дорога долгая... Да и соседи классные... А что, нельзя?

Вот так, еще и оправдываться приходится.

– Сегодня можно, сегодня все можно...

Ее глаза загорелись шаловливым огнем.

– Мои предки на дачу уехали. Одна я дома...

– Да, это хорошо...

– Может, ко мне поедem?

– Да мне домой надо...

– А потом домой... Завтра утром... Я такой стол накрою... И вообще...

Она прижалась к Леону. Он ощутил жар ее тела – ее желание передалось ему. А что, почему нет?..

Родители Олеси жили неплохо. Трехкомнатная квартира, ремонт дорогой, мебель новая. А еще телевизор с видиком. Каждый день можно боевики смотреть...

Стол и в самом деле был великолепен. Отбивные, колбаска копченая, салат «оливье», икорки красной немного. И водка какая-то иностранная. «Смирнофф». Особенно хорошо было сидеть за этим столом после ванны, в чистом халате на голое тело. Это так Олеся заходила. А Леон не возражал.

Выпили, закусили, поболтали о том о сем, снова выпили... А потом началось «вообще»... Хорошо началось. Олеся прильнула к нему, запустила руку под халат. Он аж застонал от удовольствия.

На этот раз Леон помнил все...

Он проснулся поздно. Взглянул на будильник на прикроватной тумбочке. Одиннадцать часов утра. Хорошо поспал... С похмелья обычно болит голова. Но у него с этим все о'кей.

Зато болела душа. Дурак, зачем полез на Олесю? Не надо было этого делать. Постелью он еще крепче привязывает ее к себе. А ему это ни к чему. Ну не хочет он быть с ней.

Олеси рядом не было. Но постель еще хранила запах ее тела. И так неуютно от этого запаха.

Леон встал, накинул на себя халат и быстро прошел в кухню. Олеся стояла у плиты и готовила завтрак. Он на миг представил ее своей женой, и ему стало не по себе.

– Дорогой, ты уже проснулся? – не поворачивая к нему головы, спросила она.

Дорогой... Похоже, она считает, что имеет на него права. На душе стало еще муторней.

– Проснулся...

– Умываться – и за стол...

Вроде шутливо говорит, но в голосе звучат и серьезные нотки. Вот так, уже и командует.

«Кажись, влип...»

Чтобы заглушить тоску, Леон снова потянулся к бутылке...

* * *

– Вставай, братан! – услышал Леон голос старшего брата. – Пора!

Иван вместе с семьей жил в квартире с родителями. Квартира у них трехкомнатная – всем места хватает.

Пора вставать... И это в шесть утра... А наверное, и в самом деле пора. Неделю он уже дома. И ни разу даже утренней зарядки не сделал. Только «литробол». Граммов по сто-двести, не больше. Но каждый вечер. И все из-за Олеси. Ну не лежит к ней душа, а бросить ее не может. Чувство долга. Вот и шел к ней на свидание, как на подвиг. Сто граммов для храбрости были просто необходимы.

Все время он ночевал у Олеси. Не отпускала его от себя. Но сегодня он провел ночь дома. Здесь ему уютней. И отговорка для Олеси нашлась. С братом по утрам разминаться будут. Хватит дурака валять, пора в порядок себя приводить.

И в самом деле пора за ум браться. Хватит балду гонять – карате зовет!

Утренний кросс – пять километров, в приличном темпе. И ничего, все нормально. Дыхание как часики. И в ногах никакой усталости.

– В Афгане занимался? – спросил брат.

– Почти каждый день. По два-три часа, как положено. У нас с Жоржем, Андроном и Бобом это строго...

Так оно и было. Форму они с друзьями поддерживали.

– Заметно... А я уж думал, ты спиваться начал...

– Да ты что!

– Смотри, брат, я тебе все потроха поотбиваю, если еще раз запашок учую... Это я тебе как сенсей говорю... Закончилась, брат, лафа!

– Как скажете, сенсей...

После разминки растяжка и наработка ударов. И в этом Леон смотрелся хорошо. Иван остался доволен.

– Еще месячишко тебя погоняю, и на квалификацию. Пора тебя на второй дан пробовать...

В этот же день Леон приступил к тренировкам. Вместе с ним в зал пришла и Олеся. Вот, блин, никуда от нее не денешься!

С работой проблемы решились сами собой. Зачем впихивать где-нибудь на производстве, если можно открыть набор в секцию карате-до и заняться тренерской работой. С каждого уче-

ника рублей по пятнадцать в месяц. Аренда зала, государственные поборы и организационные расходы, остальное себе. При хорошем раскладе вытянет на приличную зарплату.

– Да ты не думай, тут ничего зазорного нет, – объяснял ему Иван. – Государство на наш вид спорта ни копейки не выделяет. Отсюда и самофинансирование... А Леон и не думал. Брать деньги с учеников – ничего плохого в этом не видел. Пусть родители пацанов и пацанок раскошеляются. Он в Афгане воевал, кровь проливал, а они тут карманы набивали... Пусть раскошеляются...

Для занятий Леон арендовал школьный спортзал. Дал объявление. Первую секцию набрал, вторую. Всего тридцать восемь учеников. Очень даже неплохо...

Плохо другое. Олеся. Она вызвалась ему помогать. Бескорыстно... Да он лучше бы ей половину зарплаты своей отдавал, лишь бы не видеть ее в зале. Надоела она, до чертиков надоела!..

В тот день Леон шел на занятия. Полшестого вечера. Тепло, светло и дышится легко. Он шел через двор к троллейбусной остановке. Новые спортивные штаны, элегантные кроссовки, майка-безрукавка – высокий, мускулистый, походка легкая, летящая. На плече спортивная сумка.

И тут будто кто-то перекрыл кислород. Леон остановился резко, словно наткнулся на невидимую стену. И все из-за девчонки в коротком голубеньком платьице и с розовым бантом. Эта пигалица лет четырнадцати-пятнадцати шла ему навстречу, глядя куда-то вдаль. Его не замечала. Зато он видел только ее.

Девчонка была красивой, спору нет. Но Леон встречал и красивее. Только ни одна не производила на него такого впечатления. Это был тот случай, когда от женской красоты перехватывает дыхание и земля уходит из-под ног. Девочке этой до женщины еще далеко. Но когда-нибудь она станет ею и будет сводить с ума мужчин. Но это других мужчин, а Леона она свела с ума уже сейчас... Любовь! Та самая, с первого взгляда. Быстрая, как выстрел. Не зря же говорят о стрелах амура...

Прекрасная незнакомка прошла мимо, даже не взглянув на него. Леон обернулся ей вслед, проводил взглядом до подъезда, в котором она скрылась. Это хорошо, теперь он знает, где живет это чудо природы...

«Леон, брат, да у тебя крыша поехала!»

Девчонка совсем молодая, вряд ли старше пятнадцати. А он о ней всерьез... Что с ним, может, какая патология, раз на малолеток тянет? Олеся лишил невинности в ее пятнадцать лет. Теперь вот незнакомка... Но нет, к этому ангелу он будет питать платонические чувства. Она и секс – это что-то несовместимое...

На тренировке Леон снова встретился с Олесей. Ему с трудом удалось скрыть неприязнь, даже отвращение. Ну почему он мучает и себя, и ее? Не пора ли положить этому конец?

* * *

Платон умер. И не успел сказать своего последнего слова. Кто остается за него – этот вопрос сильно волновал задворскую братву.

И только Граф не думал над этим. Он собрал под своим крылом крепкую команду из восьми «торпед». Бывалые пацаны, все через зону прошли. Но ценность их не в уголовном стаже. Все они как на подбор крепкие, к ножу приученные и с волями на «ты». Любого вмиг уроют и не поморщатся. Киряют в меру, от «дури» носы воротят, не бакланят, Графа уважают, в рот ему глядят. Его слово для них закон.

Законники со стороны без особого одобрения смотрят на Графа. Но признают его верховенство над воровской общиной Задворска. Даже сход собрали, общак, главный атрибут власти, за ним утвердили. Недовольные внутри общины были, Граф это знал точно. Кое-кого

пришлось на нож посадить, чтобы не возникали. На кого-то авторитетом своим надавил – оказывается, он почти не пострадал после «косяка» с алюминием... Почему «косяка»? Ничего подобного! Коммерция – это «бабки». А власть без звонкой монеты не власть. Настоящая власть стоит на трех китах – авторитет, сила и деньги.

С первым у него без вопросов. Братва его крепко уважает, хоть в ад за ним пойдет. С «бабками» тоже пока нет проблем. И сила есть – восемь пацанов. Всех «подковал»: Шток поставился, десяток волын раздобыл. За общаковские «бабки», других нет...

– Граф, тут козлы одни воду мутят, – сообщил ему Финт.

Неслабый пацан во всех отношениях. Котелок у него варит. Он у Графа на первых ролях.

– Конкретно?..

Козлов в Задворске как собак нерезаных. Только каждый козлит по-разному. А вот что эти творят, о которых Финт свистит?

– Леший, ты его знаешь...

Блатного по кличке Леший знали все. «Жулик», совсем недавно из-за «колючки» свинтился. И сразу братву под себя подпрягать стал. Одного под себя поставит, второго. Вроде как своя команда у него. Графу шепнули, что Леший волну гонит, братву против него настраивает. Надо бы этого урода к ногтю прижать, кишки все из него выпустить. Да только не достать Лешего, «зашифровался» он, на дно залег. Бойтся, падла!..

– Добраться бы мне до этого козла...

– Короче, Леший из норы своей выполз, на Пузатого наехал...

Пузатый – директор городского рынка. Заметная фигура в Задворске. У Платона он был в почете. И все потому, что исправно отстегивал в общак положенные десять процентов с левых доходов. А это немалые «бабки»...

– И чо?

– На понт Леший Пузатого берет. Типа, теперь ему отстегивать надо...

– Сука!

– И не десятину затребовал, а четверть...

– Борзота!.. Мочить падлу, и весь базар...

В одном только прав Леший. Десять процентов – это мало. Надо повысить побор, процентов этак до двадцати. А почему нет?..

– Леший стрелу тебе зарубил...

– Ну чо, собирай братву...

На стрелке он умоет Лешего его собственной кровью. По-любому, этому уроду не жить.

* * *

Крутобедрая красотка с визгом забралась на стол, зашаталась на нем. Леший уже думал, что она не удержится и стебанется. Но телка сохранила равновесие, пьяно улыбнулась, крутанула задницей в такт музыке и начала скидывать с себя одежду. На пол полетели платье, лифчик...

Стягивая с себя трусики, девка покачнулась, хватанула руками воздух и грохнулась со стола, прямо на руки Копыту.

– Ух ты моя куропатка сисястая, – захохотал тот, укладывая ее спиной на стол. Его сильно штормило. – Чо, труснюк не стянешь?.. Ща, помогу...

Хрустнула ткань, и красотка осталась в одних туфлях. Копыто завелся, начал стягивать с себя штаны.

Девка задергалась. Да только Копыто сжал ей горло, и она затихла.

– Ты этта, под клиентом не того, – зло прорычал он, ослабляя хватку.

Ничего не поделаешь, принимай, киса... Да только Копыто облажался. Пережрал скотина!

– Чо, завис хрен моржовый? – захохотал Леший.

Копыто взбесился. Только ярость не на него направил, на девку. Хрясь ей по морде. А ведь не понимает, что Леший с ней и сам не прочь побаловаться.

Леший посмотрел на Бузана. Тот все понял без слов. Подскочил к Копыту и резко рубанул его двумя руками по почкам. Тот как ошпаренный отлетел от девки, скрутился и взвыл от боли. На этом все и закончилось. Понял, сявка, на чье мясо позарился. Получил свое и не рыпается...

Гульбище на «блатхате» тянулось со вчерашнего вечера. Всю ночь напролет гудели, баб пользовали. Потом поспали малость. И снова за пузырь. Утром девок новых подогнали. Гуляй, братва, веселись! Может, в последний раз...

Сегодня вечером стрела с Графом. Пусть или подвинется, или совсем место освободит. Но так просто эта падла власть не отдаст. Тут без крови не обойдется. Вопрос только в том, кто кого в ней утопит?..

У Лешего шесть «торпед», вроде не дерьмо. Но у Графа пацаны покруче будут. И «подкованы» они не хило – волены у всех. У Лешего с арсеналом туговато. Три шпалера, остальное – перья. Ну еще граната есть, «лимонка». На этом далеко не уедешь.

И все же Леший не унывал. Есть у него одна задумка.

Братва веселится вовсю. И Лешему весело: гуляет вино в крови. И только у троих ни в одном глазу. Чибис, Муля и Затон. У этих дело. Девку одну они должны свинтить, к нему притащить. Графу эта девка дороже золота, на все пойдет, лишь бы ее не задавили. Дочь она ему, единственный родной человек на этой грешной земле. Лешему об этом под большим секретом давно сказали. Не думал, что пригодится...

Итак, сегодня вечером дочь Графа пойдет с молотка. Пусть поторгует за нее Граф. А Леший много запросит.

* * *

До начала тренировки два часа. А Леон уже во дворе дома, где живет малолетняя дама его сердца. В беседке сидит, под прицелом влюбленных глаз ее подъезд держит. Третий день он ищет встречи с ней. Да только как увидит, так внутри все и обрывается. И слово на язык не лезет, и ноги непослушными становятся... «Вот она какая, эта любовь...»

Незнакомка вышла из подъезда. Яркое желтое платье на ней, белые гольфы, синий бант. Красивая до изнеможения – глаз не оторвать. А ведь еще, по сути, совсем ребенок...

Едва она вышла, к ней подъехала машина, серая «двойка». Открылась дверца, показался какой-то мужик. Он что-то спросил у незнакомки. Та недовольно посмотрела на него и показала рукой куда-то в сторону. Наверное, куда-то проехать хочет мужик, да не знает, как и куда...

Но что это? Мужик вдруг схватил незнакомку за талию и грубыми своими ручищами втянул в салон машины. Хватая ртом воздух, Леон бросился к машине. Но не успел. «Двойка» сорвалась с места и на всех парах двинулась к выезду со двора.

Леон кинулся за ней. Но куда там! Когда он выбежал со двора, машина неслась по длинному и прямому как стрела Гоголевскому бульвару.

Незнакомку похитили. Но кому и зачем это нужно?

Он поднял руку, пытаясь остановить частного на белом «Москвиче». Но тот даже не посмотрел в его сторону и пронесся мимо. Кофейного цвета «шестерка» также не замедлила ход. Зато остановилась голубая «копейка». Из окошка высунулась довольная физиономия Олеси.

«Вот черт, а эта откуда?»

– Леон, дорогой, садись...

За рулем машины сидел один из его учеников. Витя Мезенцев, студент Задворского университета. На колесах парень. На тренировку ехал да по пути Олесю подобрал.

Леон мигом впрыгнул в «копейку».

– Давай вперед! – скомандовал он. – На всю катушку жми!

Витя повиновался. Машина сорвалась с места в карьер.

– Что случилось? – спросила Олеся.

– Погоня, погоня, погоня... – на мотив известной песенки забарабанил пальцами по сиденью Леон.

– За кем?

– Да как тебе сказать?.. Короче, сама узнаешь...

С заднего сиденья он напряженно всматривался вдаль. Серой «двойки» не было. Исчезла из виду... Да, похоже, Олеся так и не узнает, из-за чего весь этот сыр-бор. Хотя нет...

Леон увидел «двойку». Она стояла на обочине Гоголевского бульвара, возле трехэтажного универмага. Далеко до нее. Но машина стоит, а они едут.

– Давай, давай, жми! – торопил он Витю.

К «двойке» они подъехали как раз в тот момент, когда к ней подходил мужик. Тот, который втянул незнакомку в машину. Он торопился. Но Леон остановил его: перекрыл ему путь.

– Э-э, ты чо? – В лучах солнца блеснула золотая фикса.

Это типичный представитель преступного мира. Стопроцентный уголовник, наверное, только что из зоны. На похищении решил подзаработать. Да только это не Америка с ее гангстерами...

– Где девчонка? – спросил Леон.

Впрочем, зря спрашивал. Незнакомка располагалась на заднем сиденье машины. Рядом с ней сидел еще один мужик. Держал, чтобы не сбежала.

– Ты ща сам девчонкой станешь, фуфел голимый! – осклабился мужик.

Мгновение, и в его руках щелкнул нож. Длинный выпад, как в фехтовании. Но Леон был начеку. Он ушел от ножа, заблокировал руку, взял ее на болевой прием. И тут же коронный удар, головой в переносицу. Уголовник пластом лег на землю. Это не спортивное карате – это уличная драка. Леон на этом собаку съел.

Дело запахло керосином. И двое в машине это поняли. Им бы уехать. Но они не могли оставить своего сообщника.

– Э-э, чувак, ты чо, охренел? – заорал второй похититель, тот, что сидел рядом с незнакомкой, по другую от нее сторону. – Я тебя ща сделаю...

Как и тот, который сидел за рулем, он выбрался наружу. Он обогнул машину с одной стороны, водитель с другой.

Но Леон не собирался ждать, когда его возьмут за жабры. Он принял боевую стойку.

У обоих преступников были в руках ножи. Преимущество Леона состояло только в том, что они подходили к нему с разных сторон и не одновременно. И Леон должен был использовать это.

Он пулей кинулся к первому. И тут же в его сторону метнулась рука с ножом.

Леон остановился, пригнулся, пружиня на ногах. Нож прошел над его головой. Всю свою внутреннюю энергию сконцентрировал Леон в руке. Удар ладонью в солнечное сплетение парализовал преступника, начисто выбил из него сознание.

Но оставался еще один. Нож в его руке уже направлен Леону в спину. Только ничего у него не вышло. Леон и на этот раз оказался на высоте. Разворот, блок, захват, болевой прием. И удар раскрытой ладонью в сонную артерию. И этот уходит в небытие.

– Спасибо, – услышал Леон за спиной тихий девичий голосок.

Он обернулся и увидел незнакомку. Она сидела в машине и смотрела на него невеселым взглядом. Она угодила в руки бандитам, ее могли убить. Леон спас ее. Но она воспринимает это без особой благодарности. Только тихое, почти лишенное эмоций «спасибо». Странная девчонка. А ведь, чувствуется, недавние события потрясли ее...

Только Леон все равно ощущал себя рыцарем. Как же он спас свою королеву!

– Как вас зовут? – Он не решился обратиться к ней на «ты».

– Наташа...

Наверное, она должна была спросить его имя. Но этого не случилось. Мало того, она уже и не смотрела на него. Думала о чем-то своем...

И тут появилась Олеся.

– Так ты из-за этой соплячки бега устроил? – В ее глазах бушевала ревность.

Похоже, она догадалась, что к чему.

– Из-за нее, – кивнул он.

Наташа вскинула на нее надменный взгляд.

– Я не соплячка, – с достоинством произнесла она.

– Да заткнись ты, мокрощелка!

Олесю трясло от бешенства. Никогда не думал Леон, что она может быть такой грубой и вульгарной. Ему было стыдно за нее.

– Наташа, вам нужно домой...

– Вы меня отвезете? – тихо спросила она.

И посмотрела на Леона. С надеждой.

– Конечно...

Он подал ей руку, вывел из машины похитителей и помог забраться в Витину «копейку».

– Эй, а милиция? – встрепенулась Олеся.

Она права, нужно было дождаться милицию – наверняка ее кто-то уже вызвал – и сдать преступников в руки правосудия. Но Леон был слишком занят Наташей, чтобы думать о таких мелочах.

– Если хочешь, останься... Эти уроды не скоро придут в себя...

– Ага, ищи дуру, – рявкнула она, усаживаясь на переднее сиденье.

В ее голосе звенела ярость. Как же, Леон уселся рядом с Наташей. И смотрит он на нее как-то необычно. На Олесю он никогда так не смотрел...

* * *

Чибис позвонил около четырех. Из телефона-автомата. Все, девка у них в руках. Как раз к этому времени братва уже готова была двинуть на стрелку. За городом, у Охрипинского пруда есть одно великолепное местечко. Там хоть из пушки стреляй, никто не услышит.

Только Леший стрелять не собирался. Ни из пушек, ни из волын. Огневая мощь не на его стороне. У него другая тактика. К месту разборки Чибис с дочкой Графа подкатит. Пусть полюбуется батяня на нее, враз сговорчивей станет. Беспредел это, конечно, не по понятиям. Но есть цели, для достижения которых все средства хороши...

К шести вечера на двух тачках Леший и его «торпеды» подкатили к Охрипинскому пруду. Где-то неподалеку уже должна стоять машина Чибиса с пленницей. Но видно только две «волжанки» Графа и его кодлы. Круто у него дела поставлены. «Волги» почти новые, пацаны в кожанках нулевых, волыны у каждого. Ну так это до поры до времени. Пока общак под ним. И кооператоры из старых «цеховиков» процент ему отстегивают. Но скоро все изменится...

Только изменится ли? Нет Чибиса, нигде нет. И девки, этой козырной карты, нет. Как же теперь с Графом базарить?

А Граф идет к нему. Рука в кожанке. Явно «шпалер» держит. В глазах уверенность. И хищный огонь. Волком на Лешего смотрит. Только что зубами не класает...

Лешему стало страшно. Даже хмель из головы выветрился. Как кур в ошип вляпался, в натуре... Но уже поздно что-то изменить. Граф подошел совсем близко, остановился.

– Давно хотел повидаться с тобой, Леший! – прошипел он. – Перетереть со мной хочешь? Ну, давай, втирай...

Леший в растерянности молчал. Идиот он, полный кретин! Ну разве так дела делаются? Девку раньше нужно было выкрасть, дать знать об этом Графу, а потом уже стрелу забивать. А у него все через одно место... Слишком много спиртогана в крови разведено.

– Ну чо молчишь? Обосрался?.. Мозги ты свои пропил, Леший...

И Граф о том же.

– Да пошел ты! – начал заводить себя Леший.

Да только этим он уже ничего не мог изменить.

Будто в замедленной съемке видел, как Граф достал из кармана ствол, направил на него. Три выстрела один за другим оборвали его никчемную жизнь...

* * *

– Ты это серьезно? – Граф с удивлением смотрел на Анжелу.

– Серьезней не бывает...

Наташу, его дочь, похитили среди бела дня. Но ее какой-то пацан освободил, домой отвез. На этом все и закончилось. А ведь могло быть худо...

Наташу похитили около четырех часов. Как раз в это время Леший должен был собираться на стрелку с ним. Точно, хотел с собой Наташу привезти, торги устроить. Вот ублюдок! Но кто-то спутал ему карты. Только кто он, кого благодарить?

– В Наташу один паренек влюбился, – рассказывала Анжела. – Она мне его из окна показывала. Красивым не назовешь, а в общем-то приятный молодой человек. Но Наташе он не очень нравится. Зато он от нее без ума. Чуть ли не целыми днями во дворе нашего дома сидит, ждет, когда она выйдет. А когда она выходит, он за ней. Но подойти боится, стесняется...

– Ну да, стеснительный нашелся... Сколько лет ему?

– Да лет двадцать, не меньше...

– А Наташе четырнадцать... Зарою гада...

– Так это он Наташу и спас...

– Да?.. Это меняет дело. Но не совсем... Только пусть попробует подойти к ней, голову отверчу...

За Наташу, конечно, пацану этому спасибо. Только это вовсе не значит, что он имеет права на Наташу.

– Да она его к себе и не подпускает. Не нравится он ей, и все тут. Ты же знаешь, какой у нее характер... Дорогой, а когда мы в Ялту поедим? Ты же обещал...

– Верно, обещал. Да не мог. Закрутился, делами оброс.

– Я уже и отпуск взяла. И муж согласен меня отпустить...

Муж... Рогоносец хренов!

– Да, наверное, и я сорвусь на моря. На пару недель. Хватит?

И дочку, конечно же, с собой возьмут. Ей невдомек, зачем ее похитили. Не знает, кто ее настоящий отец, что он представляет из себя. Но когда-нибудь ей об этом узнать придется...

* * *

– Ты совсем не думаешь обо мне? – Олеся в гневе наворачивала круги по комнате. – Даже смотреть на меня не хочешь...

Леон сидел на диване, голова откинута, глаза в потолок. Сцены ревности. Как они ему надоели!

С того самого дня, как Олеся узнала о существовании Наташи, в нее вселился дьявол. Вот уже две недели рвет и мечет, злость на нем срываает.

Как-то раз на природу вдруг решила его вывезти, а он, дурак, возьми да согласишься. В глухомань лесную Витя, ученик его, на машине своей их вывез. Какой-то заброшенный монастырь. Места красивые, спору нет. Только к чему все это? Леон так и не понял. А Олеся думала, что он поймет. Но до него не доходило. «Место здесь святое. Как наша любовь...» Бред сивой кобылы. Глупее фразы Леон никогда не слышал. Монастырь и любовь... А может, что-то есть в этом общее? Святая обитель заброшена, и любовь их тоже в полном упадке. Сказать ей об этом не решился. И правильно сделал: такой бы хай Олеся подняла.

После каждой тренировки она к себе домой его тащит, в постель тянет. Он соглашается, из жалости. Кретин. Надо обрубать концы. Помучается девчонка, поплачет, а потом забудет. Молодая она еще, чтобы заикливаться на несчастной любви. Семнадцать ей всего. Восемнадцать через три месяца стукнет...

– Олеся, – сказал Леон, затягивая паузу.

– Что? – не выдержала она.

– Нам надо расстаться...

– Расстаться? – У нее отвисла челюсть. – Но почему?

– Потому что я люблю другую...

– Так я и знала! Так я и знала!.. Это она, эта сучка Наташа, малолетка чертова...

– Да, ты угадала... Извини, так уж вышло...

– Я тебя ей не отдам! – Ее глаза затуманились, в них мелькнул огонек безумия.

– Я не вещь...

– Но я тебя люблю и жить без тебя не могу...

Ну вот, сопли полезли...

– Поверь, мне очень жаль, что все так получилось...

Леон встал, тяжело вздохнул и направился к выходу из комнаты. Только ничего у него не вышло. Олеся подскочила к нему, схватила за руку. Отцепиться от нее можно было только силой. Но не выламывать же ей руки...

– Если ты уйдешь, я убью себя...

Эта угроза не беспочвенная. А вдруг и на самом деле наложит на себя руки?

– Останься. Прошу тебя... Хотя бы на одну только ночь...

Ладно, на эту ночь он с ней останется. Но это в последний раз.

В постели Олеся буйствовала. Она делала все, чтобы Леон был доволен. Как будто секс – это главное в жизни.

Закончилось все в третьем часу ночи. С чувством исполненного долга Леон повернулся на бок и закрыл глаза. Олеся направилась в ванную. Засыпая, он слышал, как она тихо разговаривает с кем-то по телефону. О чем именно, он не разобрал...

Утром его разбудила Олеся. Она склонилась над ним и ласкала его мужское достоинство. Было так хорошо, что Леон застонал от блаженства. А потом Олеся легла на спину, он забрался на нее и ввел в нее свой инструмент. Она закричала. Как будто ее насилюют. Какой-то новый прикол...

И в это время дверь в ее комнату распахнулась. На пороге стояли ее родители. Они были возмущены, их глаза готовы были выскочить из орбит.

– Что это такое? – прогреготал отец.

Леон как ошпаренный отскочил от Олеси, схватил простыню, закрыл ею свои чресла. Никогда еще ему не было так стыдно, как сейчас.

– Папа, он изнасиловал меня, – заплакала Олеся, даже не пытаясь скрыть свою наготу.

А вот это удар ниже пояса. Леон похолодел.

– Да я его!

Олесин отец шагнул к нему. Здоровый мужик, в руках сила немалая.

– Папа, не надо... Я на него в милицию пожалуюсь...

В милицию?! Леон с еще большим удивлением посмотрел на Олесю. Вот так номер! Она на него заяву в милицию накатать собирается. В изнасиловании обвинить... Он был так растерян, что не мог сказать ни слова...

– Вон отсюда! – завизжала ее мама, указывая ему на дверь.

Непослушными руками Леон натянул на себя брюки, накинул рубашку. И тут Олесин отец схватил его за шкурку и как напроказившего щенка потянул к выходу из квартиры. Леон не сопротивлялся и через несколько мгновений был вышвырнут на лестничную площадку. И вдогон ему полетели его кроссовки...

Он шел по улице с опущенной головой. Олеся предала его, по-скотски подставила. Изнасилование перед родителями разыграла. И милицией еще угрожает... Ну, насчет милиции – это скорее всего не всерьез. Так, напугать хотела... А вдруг все же до милиции дело дойдет?

Не думал Леон, что Олеся явится на тренировку. Но она пришла. Только без кимоно. И подлю улыбнулась.

– Ну что, ушел от меня? – с издевкой спросила она.

– А разве нет? – с трудом сохраняя спокойствие, ответил он.

– Заявление уже в милиции...

– Ты шутишь...

– Ничуть. Ты изнасиловал меня. И родители это подтвердят. А еще я побои сняла...

– Какие побои?

– Ты же меня бил...

– Ты что, с ума сошла?

– Нет. Я просто несколько раз себя ущипнула... Но кто докажет, что это следы не от твоих рук?

На лбу у Леона выступила испарина. Вот мразь! По полной программе его в оборот взяла. Врезать бы ей по физиономии!..

– Сука ты!

– Да, сука... Но твоя сука...

Она откровенно издевалась над ним.

Если она в самом деле заявила на него в милицию, ему не избежать тюрьмы. И срок немалый накрутят.

– Но меня же посадят...

– Так тебе и надо!

Ее злорадная улыбка убивала.

– Но я же ни в чем не виноват...

– Как это не виноват? Ты бросил меня. Это преступление...

– Что ты хочешь от меня?

– Женись на мне. И я заберу заявление...

– Это шантаж...

– Ну и что? Я же говорила тебе, что никому тебя не отдам... Никуда ты от меня не денешься...

– Я не могу жениться на гадюке! – с достоинством сказал Леон и повернулся к ней спиной.

– Ну, ну, – послышалось вслед. – Мы еще посмотрим...

А на следующее утро домой к нему заявили два милиционера.

– Гражданин Булатников, вы арестованы...

Леон уже знал, какое ему предъявят обвинение. Он без разговоров протянул милиционерам руки. И обреченно вздохнул, когда на них защелкнулись стальные браслеты наручников.

Леон слышал о камерах в местной тюрьме. Грязное вонючее помещение, под завязку забитое отбросами общества. Звериные нравы царят здесь, не так просто освоиться в этой среде.

Вопреки ожиданиям, в камере было сухо и просторно и парашей не воняло. Шесть железных коек с матрацами, в один ярус. Дышится легко. Только вот контингент не очень. Три здоровых мужика с волчьими взглядами и густой паутиной татуировок на телах. Типичные уголовники. Добра от таких не жди. И еще двое обитателей. Эти обыкновенные люди. Интеллигент в очках и старик с умиротворенным взглядом.

Коренные обитатели тюрьмы разместились за грубо сколоченным столом. Нещадно курили и резались в карты. Но они оторвались от этого занятия, когда в камере появился Леон.

– У-у, тю-тю, какой голубчик! – прошепелявил один.

И зловеще сверкнул взглядом. – Назовись? – спросил второй.

– Не понял...

– Кто такой, по какой статье тебя сюда впарили? – сердито объяснил третий. – Фраер дешевый...

– Леонтий меня зовут. А номер статьи не знаю, не объяснили...

– А сам не знаешь?

– А я что, юрист?..

– Короче, что шьют тебе?

– Да вроде как изнасилование...

Уголовники как-то странно оживились. Их лица исказили гнусные улыбки. Один из них поднялся из-за стола и подошел к Леону. Из его открытого рта воняло.

– А ты знаешь, козел, что мою сестру изнасиловали? – прошипел он.

Ну да, если бы у Олеси был такой брат, Леон и знать бы ее не захотел... Шутка, но она придала ему бодрости.

– А как ее зовут, твою сестру? – усмехнулся он.

– Я могу сказать, как будут звать тебя, – захохотал кто-то за столом. – Людой ты у нас будешь...

– А мне больше Таня нравится, – загоготал другой.

– Понял, козляра, кем ты будешь? – спросил с издевкой тот, который стоял рядом с Леоном. – Мохнатый сейф ты вскрыл, за это у нас опускают. Сечешь?

– Куда опускают? – не понял Леон.

– Ты чо, в натуре, дикий?.. В шоколадницу контачить тебя будем...

– Давно я петушатины не пробовал! – послышался голос из-за стола.

– Своя баба у нас теперь будет на хате...

Наконец-то до Леона дошло. Его собираются изнасиловать. Но он же не педераст!

– Э-э, вы что? – Он отступил на два шага назад.

– Цыпа, цыпа, цыпа, петушок ты наш... – шагнул за ним уголовник.

– Люду хочу, Люду! – заорал второй, поднимаясь из-за стола.

– А я Таню! – заголосил третий, присоединяясь к нему.

Трое против одного. Но у Леона есть шанс.

– Не подходите, худо будет. Предупреждаю вас!

Но его никто не слушал. Первый уголовник протянул к нему руку, схватил за майку.

И тут же поплатился за это. Леон взял его кисть на болевой прием. И сразу же удар коленкой в пах. Противник заорал от боли. Удар ладонью в адамово яблоко оборвал его крик. С одним покончено. Остались двое.

Уголовники бросились на него одновременно. Одного он достал кулаком в солнечное сплетение. Второй пнул его ногой в живот. Хотел добавить кулаком в челюсть. Но Леон успел заблокировать его руку и врезать ногой ему по коленке. Тот взвыл. Пока он приходил в себя, Леон добил первого. Точный и резкий удар в позвоночник надолго отключил его от внешнего мира. Второго он послал в глубокий нокаут локтем в висок...

Пусть знают, что его задница неприступна!

Уголовники лежали на холодном полу. Леон направился к двум другим обитателям камеры.

– Эй, мы здесь ни при чем! – отодвигаясь от него, закрылся руками очкарик.

Бойтся, что и ему достанется. Только зря.

– Где здесь свободная койка? – хмуро спросил Леон.

Свободной оказалась койка возле параша. Нет, туда он не ляжет. Но и очкарика со стариком сгонять со своих мест не станет.

– А где эти спят? – Он кивнул на бесчувственных уголовников.

Ему показали их койки. Леон выбрал место получше.

* * *

Граф вернулся с курорта. Ровно две недели жарился на солнце. Кайф! И Анжела всегда под боком. Жаль, трахал ее нечасто. Приходилось выбирать моменты, чтобы Наташа ни о чем не догадывалась. Для нее Граф был всего лишь случайным знакомым мамы. Просто друг...

И вот он снова в Задворске.

В городе все спокойно. Никто ни на кого не наезжает, никто ни перед кем права не качает. Но все это до поры до времени. Сейчас такие времена, когда дерьмо само наверх всплывает.

– Тут это, чувака, которым ты интересовался, менты замели, – как о чем-то третьестепенном сообщил ему Финт.

– Какого чувака? – не сразу понял Граф.

– Ну этот, Леонтий... Каратюга, короче...

Все ясно. Этот пацан Наташу от Лешего спас. Граф им еще до отъезда интересовался. Финт вмиг справки о нем навел. Тренер по карате, черный пояс. Очень хорошо. Только благодарить он его не собирался. Пусть радуется, что ему по башке за Наташу не настучали...

– Откуда знаешь?

– Да на хату он попал, где Чучело парится...

– Ну и...

– С Чучелом Пистон и Клещ чалятся. Всех троих чувак замесил... Опустить они его хотели...

– Беспредел, в натуре...

– Да нет, не беспредел... Чувак за мохнатый сейф на хату загудел...

– Да ты чо?..

– Я тут на всякий случай справки навел. Чувак бабу свою изнасиловал. Ну вроде того. Но это туфта. Он девке этой уже давно вправляет. А тут какой-то разлад у них. Девка заявлениям и накатала...

– Подстава?

– Она самая... С девкой бы перетереть...

- Зачем?
- Пусть заявку заберет...
- А на хрена?

Пусть Леонтий к хозяину идет. От Наташи будет подальше. И вообще, пусть знает, как с девками связываться... Только вот в петухах ему ходить не пристало...

* * *

Двое суток Леон не смыкал глаз. Боялся заснуть. Во сне он беспомощный. Три урки только и ждут, когда он расслабится. И ведь дождутся когда-нибудь...

Третья ночь в камере. Урка на соседней койке не спит. Все ждет, когда Леон заснет. Но не дождется...

Глаза закрывались, сон накатывал мощной волной. Но Леон держался. И все же под утро он проиграл бой. Заснул...

Проснулся от боли. Три закоренелых уголовника стащили его с койки, бросили на пол. Двое держали за руки, третий с силой бил по почкам. Боль невыносимая. Еще немного, и он потеряет сознание. А вслед за этим и девственность своей задницы. Он станет петухом.

Леон заорал. Не столько от боли, сколько от обиды.

И вдруг скрипнула дверь в камеру. На пороге появился сержант-надзиратель.

– Прекратить безобразие! – заорал он.

Но входить в камеру не решался.

Урки неохотно оставили Леона и разбрелись по своим койкам.

– Иди сюда! – Надзиратель поманил пальцем одного уголовника.

Тот подчинился с еще большей неохотой.

Леон видел, как сержант ему что-то передал.

Надзиратель закрыл дверь в камеру. С другой стороны, разумеется. «Коренной» сел на свою койку, развернул клочок бумаги. Значит, надзиратель передал ему какую-то записку.

Лицо урки выражало разочарование. Даже обиду. Он с неприязнью посмотрел на Леона.

– Ну чо, фраерок, моли своего ангела... Сам Граф за тебя впрягся. Подстава вышла, не вскрывал ты мохнатого сейфа. Не велит тебя трогать...

– А чего это Граф за него подписывается? – недовольно спросил второй урка.

– А вот это не твое собачье дело, – с умным видом пояснил первый. И Леону: – Живи, щегол!

Никакого Графа Леон не знал. Кто он такой, с чем его едят, неясно. Зато понятно, что здесь, в тюрьме, его слово весит больше прокурорского.

В эту ночь он спал спокойно. И в следующую тоже...

* * *

– Леон, милый, ну, одумайся. – Олеся смотрела на него умоляющим взглядом.

Эх, если бы дотянуться до этой сучки, пережать руками ее кингстоны! Но нельзя! Их разделяет решетка...

Вторую неделю он под следствием. И вторую неделю Олеся ходит к нему. Одуматься просит. Хочет забрать свое заявление. В обмен на печать в паспорте. Но теперь она точно этого не добьется...

– Шла бы ты отсюда, а?

Больше ничего он не мог ей сказать.

Женщина-следователь глядела на нее сердито.

– Итак, вы хотите забрать свое заявление? – Ее тон был сух и неприятен.

– Да, хочу, – тяжело вздохнула Олеся. – На самом деле все не так, как я написала...

– А как?

– Мы дружили с Леоном. Но он хотел меня бросить. И тут на меня нашло. Я разыграла спектакль, позвонила родителям...

– Зачем вам все это?

– Женить на себе хотела...

– Вы мне этого не говорили, – сверкнула глазами женщина. – Ваши действия можно квалифицировать как шантаж. Вы сами можете попасть за решетку. Лет пять вас устроит?..

Внутри у Олеси все перевернулось. Неужели все так далеко зашло?

Да, она очень любила Леона. Готова была на все, лишь бы оставить его себе. Даже в тюрьму его посадила. Но он не хочет жениться на ней. Он презирает ее. Они никогда не будут вместе... Она поняла это, поэтому хочет забрать заявление. Пусть Леона освободят... Но тогда посадят ее саму... Ей стало страшно.

– Я не хочу сидеть в тюрьме, – побледнела она.

– Я тоже так думаю... У меня были ваши родители. Они просили меня наказать преступника...

– Но Леон не преступник. Он не насиловал меня...

– Но вы же спали с ним?

– Да...

– А сколько вам лет?

– Семнадцать...

– Вот видите, вы еще несовершеннолетняя. А это знаете как называется?

– Как?

– Совершение развратных действий с малолетними... В общем так, заявление вам не отдаю. Если вы будете настаивать, я добьюсь возбуждения уголовного дела с целью привлечь вас к ответственности. Вы меня понимаете?

– Да...

– Тогда не смею больше задерживать вас...

Олеся выходила из кабинета, не чувствуя под собой ног. Больше всего на свете она хотела бы сейчас умереть...

* * *

Не раз смотрел Леон фильмы про героическую милицию и негодяев-жуликов. Видел на экране и преступников, сидящих на скамье подсудимых. Иной раз представлял себя на их месте, и ему становилось жутко.

И вот суровая действительность посадила на это страшное место его самого.

Олеся, потерпевшая и главный свидетель обвинения, отсутствовала. Леон уже знал, что вчера вечером она наглоталась таблеток какого-то снотворного. Хотела покончить с собой. Но не вышло. Чуть-чуть не хватило дозы. Сейчас она в тяжелом состоянии в больнице. Давать показания она сможет не раньше чем через месяц, а то и два.

Но прокурор так долго ждать не хочет. Ему бы побыстрее закрыть дело и сдать его в архив. И для этого Олеся, оказывается, вовсе не нужна. Есть ее заявление, протокол допроса, а потом еще в качестве свидетелей выступили родители потерпевшей. Да и чего тут мудрить? Вина подсудимого не вызывает сомнений. Дружил с девчонкой, склонил к сожительству. А ведь она несовершеннолетняя – это ясно как божий день. В завершение всего подсудимый изнасиловал несчастное дитя. Родители потерпевшей дали показания в суде – этого хватило, чтобы разрушить хрупкий бастион защиты.

Суд удалился на совещание.

Леон посмотрел на своих родителей, на брата. Красноречивый взгляд Ивана. Терпи, мол, казак, атаманом будешь... Ни отец с матерью, ни он сам не верили, что Леон виновен. Но от них, увы, ничего не зависело.

Через полчаса судьи вынесли приговор. Четыре с половиной года колонии строгого режима. Леон был готов к этому, но все же гремучая тоска навалилась на него. Не в состоянии совладать с собой, закрыл глаза.

Приговор вынесен, и поздно что-либо изменить.

Глава вторая

– Ничего, ты девчонка крепкая, настырная. Ты еще своего добьешься...

Тренер не смотрел ей в глаза. Ей скоро девятнадцать, а она как стояла в начале пути, так и стоит. Одно хорошо – на мастера спорта сдала.

Почти год прошел с тех пор, как Леона посадили. Олеся не находила себе места. Понимала, что сотворила великую глупость. По ее вине человек попал за решетку. И не просто человек, а дорогой и любимый. Ей даже не хотелось жить. Перед судом она наглоталась таблеток. Думала, конец. Но нет, ее откачали. Три месяца в больнице. И дома еще столько же – реабилитационный период.

По этой причине не попала в сборную страны по биатлону. А ведь все лето набивала руку в стрельбе из спортивной винтовки. Отличных результатов добилась. Мало того, она и сезон пропустила. Ни на одном соревновании не была. К тренировкам она могла только в апреле приступить. Но снег же не будет ее ждать.

– Это хорошо, что ты повышаешь уровень мастерства по стрельбе. И на общефизическую подготовку жми, – продолжал тренер. – Глядишь, зимой на чемпионат Союза возьму...

Не очень-то он верит в это. Но это его личные проблемы. А она своего добьется. О ней еще заговорят...

И все же домой она шла в расстроенных чувствах.

– Олеся! – уже во дворе она услышала знакомый голос.

Она обернулась и увидела Жоржа. Май, жара, а он в военной форме. На груди золотом горит Звезда Героя. На лице улыбка. Опираясь на палочку, он шел к ней.

– Вот я и вернулся, – радостно сообщил он.

Как будто она его ждала... А ведь он когда-то хотел, чтобы она стала его девушкой... да и сейчас, похоже, не прочь...

– Это просто замечательно! – натянуто улыбнулась она.

Ее глаза разглядывали Золотую Звезду. О такой награде мечтают миллионы мужчин, но далеко не всем она достается. Герои Советского Союза – это что-то вроде святых. В их честь не воздвигают храмы, зато корабли их именами называют, улицы, школы... И Жорж один из них. Да о таком кавалере можно только мечтать. Девчонки-соседки от зависти упишутся...

– Ты рада мне?

Жорж здоровенный, как буйвол. Но наивный, как ребенок.

– Очень...

А может, она и в самом деле рада ему...

– Ты сегодня вечером свободна?

– Да, а что?

– Хочу пригласить тебя в ресторан...

– Приглашай...

Ух ты, ресторан!..

* * *

Наташе пятнадцать лет. Позади девятый класс, еще два года – и прощай, школа. Совсем взрослой станет. Да она и сейчас достаточно взрослая. По крайней мере, прекрасно понимает, что происходит между мамой и дядей Федором.

Дядя Федор. Смешно-то как. Прямо кот Матроскин из Простоквашина. Только в нем самого смешного нет ничего. Мужчина от ногтей до кончиков волос. От одного взгляда попа-

даешь под его обаяние. А вдобавок ко всему он еще и достаточно красивый. Не то что этот, как его там... Леонтий.

Леонтий парень крутой, она не спорит. Только лицом не очень. Не нравится Наташе этот тип мужчин. Поэтому пролетел парнишка над ней, как фанера над Парижем. Не подпустила она его к себе.

И правильно, кстати, сделала. Оказывается, Леонтий попал за решетку. За совращение малолетних, как сказал дядя Федор.

Дядя Федор все знает. Он тоже из Задворска, как и она с мамой. Второй раз он вместе с ними в Ялте отдыхает. Они на пляж, он за ними. Они в столовую, он тут как тут. Заменитель папы. И, между прочим, он даже спит с мамой. Как это ни прискорбно.

Что ж, папа сам во всем виноват. Нельзя отпускать маму одну на море...

У мамы любовь. Не какой-то там курортный роман, тут серьезней. Дядя Федор для нее все. Наташа знает это. Только не знает, кто он такой. Наверное, моряк. А иначе как объяснить то, что у него на теле много татуировок? А может, водитель-дальнобойщик? Вот у них сосед, дядя Ленья, так тот водитель. У него все руки в наколках...

А еще у них есть другой сосед. Павел Андреевич Булыгин. Нет, он не водитель и не моряк. Интеллигент он с ног до головы. И она любит Павла Андреевича. Да, любит! А что, не имеет права? Конечно, было бы правильней влюбиться в одноклассника или в того же Леонтия на худой конец. Но она любит человека, который годится ей в отцы.

Павлу Андреевичу под сорок. Врач, заведующий хирургическим отделением городской больницы. Потрясающе красивый мужчина. А еще, увы, семьянин. Жена у него и двое детей. А ее он не воспринимает как женщину. Нисколько не интересуется ею. А ведь догадывается, что она влюблена в него.

– Наташа, золотко мое, что с тобой? – как будто откуда-то издалека донесся голос матери.

Наташа открыла глаза, посмотрела на нее. Вот она, рядом с ней сидит. И дядя Федор возле нее. За руку ее держит. Хотя бы убрал для приличия...

– А что со мной, мама?

– Ты о чем-то думаешь. И злишься при этом. У тебя такая гримаса, будто ты кого-то убить хочешь...

– Это мое дело!.. И вообще, отстаньте от меня все!..

Она поднялась с шезлонга и, не удостоив мать взглядом, пошла куда глаза глядят.

– Отцовский характер, – услышала она за спиной голос дяди Федора.

А что он вообще знает о ее отце?

* * *

Жорж достал ключ, сунул его в замочную скважину, открыл дверь.

– Прошу! – весело воскликнул он.

Олеся первой прошла в квартиру, он за ней.

Слаб он еще. Дает знать о себе ранение. Но дела идут на поправку. Скоро совсем очухается, инвалидность снимут, к нормальной жизни вернется. И на Олеся женится.

Олеся не красавица. Но разве на одних красавицах женятся? Нравится она ему. Может, он даже любит ее. Очень он переживал, когда она с Леоном сошлась. Но Леон и Олеся расстались. Друг его в тюрьме. Вроде изнасиловал кого-то. А Олеся с ним, с Жоржем. И о Леоне ни слова. Как будто и не было его никогда в ее жизни...

– Отличная квартира! – В голосе Олеси звучал восторг.

Еще бы не отличная. Пусть и однокомнатная, но улучшенной планировки. Комната двадцать метров, кухня – двенадцать. И лоджия роскошная. Почти центр города.

Еще в прошлом году, когда в госпитале лежал, он через мать собрал все документы для постановки в очередь на квартиру. А разве он не имел на это права? Участник войны, Герой Советского Союза. Выделили ему квартиру в новом доме. А еще он о «Запорожце» для себя по льготной цене ходатайствует. В следующем месяце обещают машину. Не зря же он кровь на чужой земле проливал.

Все у них с Олесей будет. И квартира, и машина, и семейное счастье. Жорж чувствовал в себе пробивные силы. Струнка в нем предпринимательская обнаружилась. Он еще не знает, как и на что, но организует свой бизнес.

– Квартира-то хорошая, – кивнул Жорж. – Но нам скоро покажется мало. Ведь ты же родишь мне сына?

– Или дочку, – зарделась Олеся.

Вопрос об их свадьбе был решен. Заявление уже лежало в загсе. Через пару недель состоится церемония бракосочетания.

Жорж и Олеся осмотрели новую квартиру. До самого вечера строили планы на будущее. А потом он проводил ее домой. И к себе отправился. И у подъезда своего дома столкнулся с Андроном и Бобом.

– Привет, братан! – набросился на него первый.

– Здорово, Жорж! – полез обниматься второй. – Как ты?

– Да ничего, жить можно...

– Ты домой?

– Да вроде...

– Так еще и десяти нет... А ну поворачивай назад. В кабак пойдем. Надо же встречу отпраздновать...

– Что, деньги завелись? – спросил с улыбкой Жорж, хлопнув Андрона по плечу.

– Да не так чтобы завелись, но на кабак хватит...

Андрон и Боб закончили первый курс училища. Еще три года – и они офицеры ВДВ. Сейчас они в отпуске. Пару недель в Геленджике на солнце жарились, а теперь вот домой приехали. Через десять дней обратно уезжают.

– Я ведь жениться собираюсь, – радостно сообщил Жорж после первого тоста за встречу. Сам он не пил. Категорический запрет врачей.

– Да ну! На ком?

– На Олесе, на ком же еще...

– На Олесе? – как-то странно посмотрел на него Андрон.

И переглянулся с Бобом.

– А что тут такого? Я ведь за ней давно бегаю...

– Да только она-то за Леоном бежит...

– Ну, это уже в прошлом...

– Конечно, в прошлом. Леон за решеткой, а Олеся твоя новую любовь крутит...

– Не она же его туда отправила, – огрызнулся Жорж.

– Как не она! – удивился Боб. – А кто?

– Да мне-то откуда знать...

– Нет, ты серьезно? – недоуменно спросил Андрон.

– Что серьезно?

– Леона за изнасилование Олеси посадили...

Теперь округлил глаза от удивления Жорж.

– Ты это, знай, когда шутить...

– Да не шутит он, – вступился за брата Боб. – Леона обвинили в изнасиловании Олеси...

Но ты же не можешь об этом не знать...

Выходит, может.

Леон писал ему, что его обвинили в изнасиловании и дали срок. Но не объяснял, кто именно подложил ему свинью. И он сам это не узнавал. Правда, один раз Олесю спросил. Но наткнулся на глухое молчание. И отступил...

– Так это что, она на него заявление написала?

– А то кто? – В голосе Боба звучало презрение.

– Она Леона на себе женить хотела. А тот ни в какую. Обиделась она на него, блин, и отомстила... Всю жизнь пацану испоганила...

– Паскуда она, братан, ты уж не обижайся...

Жорж ничего не ответил. Он молча потянулся к бутылке, наполнил стакан и, не глядя на друзей, залпом выпил.

* * *

На встречу с Жоржем Олеся летела как на крыльях.

Не любила она этого увальня так, как Леона. Но чувство какое-то к нему все же питала. Хорошо с ним, уютно. А еще квартира у него есть, и грандиозные планы на будущее. За таким мужчиной она будет как за каменной стеной.

– Привет! – Она подскочила к нему и подставила щеку для поцелуя.

Только Жорж не торопился целовать ее. И старательно прятал глаза.

– Что с тобой, дорогой? Что случилось?

– А что с тобой? – В голосе его зазвенел металл.

– О чем ты?

– Зачем ты посадила Леона?

Ах, вот оно что!.. Олеся похолодела.

– Жорж, я не хотела, так вышло...

И она пустила слезу. Нужно разжалобить Жоржа. Тогда он снова станет мягким как воск.

– Я хотела его всего лишь попугать. Я собиралась забрать заявление, но мне не дали...

Из ее глаз потекли уже настоящие слезы. Сейчас она не думала о Жорже. Ее мысли занимал Леон. Она всегда плакала, думая о нем. Бедный он, по ее вине на четыре с половиной года в колонию попал. Нет ей прощения... Но и Жоржа она потерять не может...

– Сказки...

– Нет, клянусь, так все и было... Следователь обещал меня посадить, если я заберу заявление...

– Ну и села бы!

В голосе Жоржа не было жалости.

– Да ты что, лучше умереть... Я, между прочим, умереть и хотела. Таблеток нажралась, еле откачали... Жорж, ты должен простить меня...

– А Леон тебя простил? – хищно сузил глаза Жорж.

А он вовсе не такой простачок, каким кажется.

– Не знаю, – пожала она плечами.

– Врешь! Знаешь, что Леон не мог тебя простить...

– Ну виновата я, виновата... Что же мне теперь делать? Посоветуй!

– Да?.. Ты когда на Леона в милицию заявляла, моего совета спрашивала?.. В общем так, заявление из загса я уже забрал...

– Зачем?

– Я не собираюсь жениться на тебе... Ты, конечно, мне нравишься. Но я не смогу жить с тобой. У меня есть совесть... Ты хоть знаешь, кто для меня Леон? Он даже больше чем брат... Ты предала его, значит, предала и меня... Все, прощай...

Жорж резко повернулся к ней спиной и пошел от нее прочь.

* * *

Капитан Осинцев возвращался со службы в двенадцатом часу ночи. Он уже подходил к дому, когда послышался женский вскрик. Негромкий, но отчетливый. И направление нетрудно было вычислить.

Капитан жил в частном секторе, флигель в доме у одного куркуля снимал. Рядом также частные дома. И вот в одном из них кто-то ждет помощи...

Осинцев вычислил дом, тихо подступил к забору, достал табельный «макаров». Прислушался. Нет ли во дворе собак? Но все вроде спокойно, если не считать, что в самом доме что-то происходит. И дай бог, если он ошибается...

Но он не ошибался. Подкравшись к дому, заглянул в окно. И увидел жуткую картину. На диване лежала женщина. Рот у нее был забит кляпом. Чтобы больше не орала. А над ней сустились двое крепких мужиков. В руках у одного был паяльник.

Вначале Осинцев подумал, что женщину хотят изнасиловать. Но паяльник... Наверняка ее пытать собираются. Скорее всего это грабители. Ворвались в дом к женщине, связали, заткнули рот, а теперь будут требовать деньги...

Надо действовать. Можно вызвать подмогу. Но как? До ближайшего телефона десять минут ходьбы. Да и если бежать, это тоже время. А грабители ждать не будут. Паяльник уже раскален, сейчас им жечь начнут...

А-а, была не была!

Осинцев снял пистолет с предохранителя, дослал патрон в патронник и быстрым бесшумным шагом направился к двери дома. Она была открыта. Он распахнул ее, но в сени зайти не успел...

– Стоять, козел! – неожиданно послышался сзади чей-то голос.

Капитан хотел развернуться, но в затылок больно уперся ствол пистолета.

– Только пошевелись, ублюдок... Пошел!

Под давлением ствола в голову он зашел в дом. Его ввели в комнату. Он увидел ослабленные лица грабителей. И тут же сильный удар ребром ладони в сонную артерию вышиб из него сознание...

* * *

Генка Осинцев повесился. Застрелил свою любовницу и повесился. Бред сумасшедшего! Не было у Генки любовницы. Он свою жену до безумия любил. И вообще, Генка самый порядочный человек...

Осинцева подставили. Кто-то в этом доме вырубил его, затем с его руки навел табельный пистолет на женщину, выстрелил.

Все против него. Отпечатки пальцев на пистолете, микрочастицы пороховых газов на руке после выстрела. И везде отпечатки его пальцев. На деревянных частях дивана, на столе, стуле, с которого он завис с петлей на шее. И даже на кухне его пальчики. Никаких других отпечатков пальцев, кроме его и убитой, не было. Кто-то неведомый очень тщательно фиксировал версию убийства из ревности. И неудивительно, что следователь так за нее ухватился.

Но только оперуполномоченный городского уголовного розыска капитан Михайлов знал, что Генку подставили. И он поклялся, что найдет ублюдков, которые это сделали...

Всего полдня понадобилось ему, чтобы выяснить, кем была покойница. Оказывается, она была любовницей заместителя генерального директора Задворского алюминиевого комбината. Где цветной металл, там криминал. А где криминал, там смерть и кровь... Кто-то хочет податься к заместителю генерального директора, взять его в оборот. И легче всего это сделать

через его любовницу. Вот и наехали на нее. А Генка каким-то образом оказался в доме. Да ведь он рядом жил.

Вывод один. Убийцы рвутся к контролю над алюминиевым комбинатом. Работают они с умом. Умеют путать следы. Значит, добраться до них будет непросто. Но капитан Михайлов до них доберется. Пусть в этом никто не сомневается...

* * *

Самый дорогой ресторан в городе – «Алмазная звезда». Ходили сюда только избранные. Не так-то просто было заказать столик.

Граф открыл ресторан полгода назад. В конце девяностого года. Роскошный вместительный зал на полсотни столиков, эстрада, бильярдный зал на четыре стола, бар. Повара высший класс, «халдеи» вышколенные, культура обслуживания на высоте, швейцар на входе, три вышибалы во избежание инцидентов постоянно дежурят. Спокойно здесь. Заглядывает сюда братва, у кого «бабки» водятся. Но ни драк, ни разборок не бывает. Знают, Граф за такой «косяк» голову кому угодно открутит. Боятся братки испохабить его бизнес. И девочки здесь на эротический десерт козырные подаются. И полная гарантия, что не кинут на том же клофелине, не обчистят до нитки. А пусть попробуют...

Ресторан на подставное лицо оформлен. Но истинный хозяин Граф. На его деньги кабак отгрохали...

Со всех сторон обложил он алюминиевый комбинат. Вася Самохвал от правосудия откупился, теперь на него пашет, за долю в деле. Фирму коммерческую возглавляет, которая опять же Графу принадлежит. «Косяков» он уже не допускает, дело как по маслу идет. По льготной цене закупает партию металла, двигает его за бугор, на баксы приобретается бытовая техника и гонится в Союз. «Бабки» варятся конкретные. Граф на этом уже «лимон» баксов сделал.

Алюминиевый комбинат – это далеко не все. Граф уже второй год водочный рынок осваивает. На спиртовой завод вышел. Кого-то купил, кого-то запугал. Теперь по льготной цене спирт пищевой цистернами закупает. За городом в укромных местах у него несколько подпольных мини-заводов. Фальшивую водяру там в бутылки катают, этикетки самопальные ляпают, пробки всякие – завинчивающиеся и нет. Все чин-чинарем. С водярой сейчас проблемы. Так просто ее не достанешь. Поэтому левый товар уходит влет. Не слабые «бабки» делает на этом Граф.

Алюминий, ресторан, нелегальная водка – это его бизнес. Навар с него он себе в карман кладет. И никто против этого вякнуть не смеет. А потому что не водится за ним «косяков». Вобщак он отстегивает исправно. И с других долю требует. Иначе перо в бок или задницу на флаги. Все урки городские процент от наваров своих мутных в «казну» несут. «Караси», которые с законом из-за бизнеса своего не в ладах, тоже не уходят от черного налога. Сутенеры, разумеется, от взноса не освобождены. Но и это еще не все. Граф данью частные рестораны, технические центры, магазины обложил, которые покрупнее и побогаче. Все на общак работает. «Грев» на зоны жирный уходит, братва на кичманах тащится от такой заботы. Все поклоны Графу шлют.

Никто не может его обвинить, что он плохо за городом смотрит. Все у него в ажуре. Только вот до сих пор он не в законе. «Бродяги» маститые нос от него воротят. Коммерцией, мол, круто занимаешься, слишком кучеряво живешь – «косяк» это. Старой закалки законники. Как покойный Платон. В Москве, говорят, законы воровские гибче стали. Там Графа бы уже давно короновали. Но в его родных краях ничего не меняется. Вор должен вести скромный образ жизни, и все тут. А Граф – он на то и Граф, чтобы жить на широкую ногу...

Он отхлебнул из бокала, вспомнил про Анжелу. С ней у него все в ажуре. По-прежнему наставляет рога ее мужу. А с дочкой отношения – лучше не бывает. Наташе скоро шестнадцать.

Опасный возраст, в какую-нибудь историю запросто может вляпаться. Но Граф присматривает за ней. И если вдруг какая беда, не даст ей сгинуть. Слишком дорога ему дочь...

Граф уже собрался уходить из ресторана, когда нарисовался Финт. Бледный как смерть.

– Перетереть надо.

– Чего тебе?

– Штока замочили!

– Что?!

– На фатеру к телке своей прикатил, в подъезд вошел, а там козлы какие-то. Две пули в него вогнали. Одну в грудь, другую в череп...

– Кто?

– Если бы я знал...

Но Финт что-то знал. Не зря же он так напуган.

– А если без луны?..

– Да так, догадки...

– Ну...

– Баул... Ты его знаешь...

Баул. Да, знакомая личность. Бывший «цеховик». В эпоху застоя кожаные пиджаки клепал, за большие «бабки» неучтенку налево толкал. Хорошие барыши на этом деле срывал. Ну и в общак, разумеется, процент сливал. Сейчас у него легальный бизнес. Тоже что-то типа ширпотреба. Но это далеко не все. Пацаны вокруг него вертятся. Все спортсмены. Штангисты, дзюдоисты, борцы. Крепкие, без вопросов. И борзые. Баул их на ларьки коммерческие для начала бросил. Данью продавцов и владельцев обложил. Затем на более крупную дичь позарился. Рынок колхозный в Западном районе города в оборот взял, данью накрыл. И пошло-поехало. Сейчас под этим ублюдком чуть ли не весь Западный район лежит. Рэкет, наркота, проституция. Впрочем, Граф не возражал. Баул и Центральный, и Восточный районы активно осваивает. А чего ему препятствовать, ведь он исправно в общак воровской отстегивает. Хотя не все сполна отдавал, гад. Но ведь не проверишь: бухгалтерии он не ведет, перед налоговыми органами за бандитский свой бизнес не отчитывается...

– Думаешь, он?

– Он, падла, больше некому... Ты же знаешь, наша опека ему поперек горла...

Да, это так. Баул беспредельщик. Ему только дай волю... Граф пока что держит его в узде. Но, похоже, кобыла не хочет тянуть телегу...

– Ну так что теперь?

– Бузить Баул начал. Под тебя яму роет. Со Штока начал. Затем меня грохнет, а там и с тобой счеты сведет...

А ведь Баул может на такое пойти. Спортсменов под ним немало, с полсотни наберется. И со стволами проблем нет. Много «бабок» он в дело вложил. Волыны закупил, тачки, радиостанции. Этот не Леший. У этого порядок во всем. Спортзал, тир, никакой наркоты, бухло только по большим праздникам. И жесткая дисциплина, замешанная на крови. Круто Баул дело поставил. И, видно, решил еще круче стать. Весь Задворск к рукам хочет прибрать... В зародыше надо было душить гада. Но и сейчас не поздно...

– Закабанел Баул, самое время под нож пускать...

– В особняке он своем, как мышь в нору зарылся. Хрен чем выкуришь...

– Это точно?

– Точняк, в натуре... Я тут уже кое с кем перетер...

– Схоронился, говоришь, на дно ушел. Неспроста... Значит, точняк он Штока замочил...

Собирай братву...

Не слабо Баул дела заворачивает. Но и Граф не со свиным рылом в калашный ряд лезет. Команда у него крутая. Два десятка стволов. Пацаны еще те. И «подкованы» не хило. И «калаши» имеются, и гранатометы. Такой фейерверк устроят...

Финт получил отмашку и наострил лыжи. Но далеко не ушел. Он был уже на выходе из ресторанного зала, когда нарисовались четыре каких-то козла. Все в черном, в масках, автоматы наперевес. И сразу грохот очередей. Граф еще ничего не успел понять, а Финт уже валился на пол, дырявый как решето.

Длинная очередь ударила в его сторону. К счастью, пули прошли над головой. Очередь из второго автомата прошла ниже, но все равно не достала Графа: в это время он уже пригнулся к полу и, лавируя между столиками, уходил в сторону кухни. Но от автоматчиков он все равно бы не ушел, если бы не вышибалы. Вовремя появились пацаны, и сразу в ситуацию врубилась. Достали волены и начали палить.

Одного козла они ранили. В плечо свинцовую plombу впаяли. Зато трое других законпатили их пулями под завязку. Всех вышибал положили. Но потеряли время. Граф ушел на кухню и черным ходом дернул на улицу...

Когда он снова появился в ресторане, там уже хозяйничали менты. Дел у «мусоров» хватало. Не зал, а поле боя. Перевернутые столы, кровь на скатертях, трупы на полу. Только посетителей погибло не меньше десятка. И «халдеев» парочка полегла. Трое вышибал. Шток. Такое вот ассорти. Из тех, в масках, не загнулся никто. Был один раненый, так его утащили, не оставили на съедение ментам.

Граф закрылся у себя в кабинете. Начал собирать братву. Самое позднее через час его «торпеды» будут здесь. Они превратят кабак в неприступную крепость. А на большее «Алмазная звезда» пока претендовать не может. Вряд ли после случившегося кто-либо из солидных клиентов рискнет провести здесь вечер. Баул мочканул Штока и Финта. Хотел завалить и самого Графа. Его он не достал. Зато нанес серьезный удар по его бизнесу.

Баул заплатит за все. Жестоко заплатит!

Граф позвонил Бекасу и Алыче. Пусть собирают братву.

В дверь постучали.

– Откройте, милиция...

В кабинет вошли два мужика в джинсах и кожаных куртках. Короткие стрижки, угрюмые взгляды, рожи кирпичом. Если бы Граф не видел их ксивы, он бы принял их за уголовников. Впрочем, ничего удивительного. Настоящие, не кабинетные опера волей-неволей сами обретают сходство с прожженными урками. Хриплые голоса, волчьи повадки, настороженные взгляды. С такими на большой дороге лучше не встречаться...

Капитан Михайлов и капитан Бутилов. Ментозавры...

– Федор Николаевич Астахов? – хмуро спросил первый.

– Он самый, – буркнул Граф.

– Надо бы побеседовать по ряду интересующих нас вопросов. Надеюсь, вы не будете возражать?

Пусть идиоты возражают. А он в кутузке оказаться не хочет. Нет у него сейчас времени шлифовать задницей нары.

Граф пригласил ментов присесть. И выслушал первый вопрос. Конечно же, он касался пальбы в ресторане.

Менты вяло спрашивали, он так же вяло отвечал. И между делом посматривал на часы. Скоро должны подъехать братки. И тогда он будет в безопасности. Ведь наверняка где-то поблизости бродит смерть. Она охотится за ним. Но он не дастся ей в руки.

Завтра же он наедет на Баула. И этому ублюдку настанет писец. Земля будет гореть под его ногами. И никакая сила ему не поможет. Пусть хоть самого дьявола себе на помощь призывает...

Менты закончили беседу, больше похожую на допрос. Ничего интересного он им сказать не мог. Не делиться же своими подозрениями насчет Баула. Ни к чему карты раскрывать...

Опера ушли. А через минуту один вернулся.

– Астахов, я смотрю, ты в непонятках, – с примесью блатного акцента, ухмыляясь, спросил он.

Ну точно, урка...

– Не понял, – нахмурился Граф.

Не, это беспредел полнейший. Ментяра, а так разговаривает.

– На Баула все валишь? – продолжал ухмыляться легаш.

– Не твое дело...

– Точно, не мое дело... Хоть бы вы все, блин, друг друга перекоцали, спокойней жить было бы...

– Ты это, за базаром следи...

Совсем оборзел мент. А может, у него какой-то козырь есть, если позволяет себе такие речи толкать?

– А мы с тобой не на киче, Граф... Короче, дам я тебе наводку. Знаю я, кто на тебя наехал...

Граф с интересом посмотрел на него. «Кто?» – взглядом спросил он.

– Информация строго конфиденциальная. От моего агента... Ты понял, о чем я?

– Без козлов в твоём деле урожая не будет. Некому будет срать и почву удобрять...

– Ага, вам, уркам, на голову срать... Короче, насвистели мне, что кое-кто предъяву тебе клеит. Киллеры уже наготове... Были... Сегодня они уже себя показали...

– Кто? – на этот раз вслух спросил Граф.

Мент куражится над ним. Как конфетку на веревочке, информацию держит. Ты попрыгай, Граф, попрыгай. Авось достанешь... «Мусор» поганый!.. А ведь наколка у него стопроцентно не липовая. Граф это нутром чуял. Тем сильнее хотелось ему ее получить.

– Ну да, так я тебе и сказал...

– А какого хрена ты здесь хлебалом шлепаешь?

– Ну ты это, поосторожней...

Мент достал из кармана блокнот, ручку. Открыл лист бумаги, что-то накалякал и показал Графу.

«Десять тысяч баксов». Нагреться мент решил. Ну так оно и понятно. Зарплата у него маленькая, а жить как-то надо... Может, его на прикорм взять?.. Хотя вряд ли пойдет. Этот тип ни от кого зависеть не будет. Он по принципу: сорвал куш – и дальше преступников ловить. И ведь, скорее всего, честно работу свою делает. Что, впрочем, не мешает ему время от времени брать на лапу.

– Козлов мне моих кормить надо, сексотов то бишь, – словно оправдываясь, с усмешкой сказал опер. – Сдохнут они без «зелени»...

– Они и так сдохнут, суки, – буркнул Граф и направился к потайному сейфу.

Десять штук баксов для него тьфу. И все же жалко.

Он достал деньги и молча протянул их менту. В мгновение ока банковская упаковка из сотенных купюр скрылась в недрах его кожанки.

– В Задворске группировка одна появилась, – уже без всякого ерничанья начал опер. – Человек пять-шесть, вряд ли больше. Никто не знает, кто они: «синие», спортсмены или бывшие спецназовцы. Но ребята крутые, подготовка у них будь здоров. Задача у них до последнего времени была одна: информацию добывать, разработку объектов производить, досье на интересных людей собирать, бойцов новых искать, оружие опять же... Но теперь вот перешли к активным действиям...

– Зачем я нужен этим уродам?

– Алюминиевый комбинат... Насколько мне известно, его сейчас некий Астахов Федор Николаевич контролирует...

Опять мента на хиханьки потянуло.

– Допустим...

– Контроль над заводом – это деньги, и немалые...

– Допустим... – с еще большим нажимом сказал Граф.

– Вот группировка и стремится взять его под свой контроль...

– Хрен этим уродам по всей морде...

– Да? – словно бы удивился опер. – Этот хрен они сегодня по вашей морде, уважаемый Федор Николаевич, размазали...

А ведь правда... Пилюлю пришлось схавать.

– Группировка хорошо шифровалась. Но тем не менее засветилась. Сегодня возьмут их штаб-квартиру. Отряд ОМОНа уже на подступах... Кое-кого из ублюдков мы положим при захвате, кого-то на хаты в СИЗО запрессуем... Ты подумай, Граф, к чему я...

Следственный изолятор нашпигован людьми, подвластными Графу. Только дай отмашку, и любого завалят в пять секунд. Заточку в бок пихнут или полотенцем удавят. И если ублюдки, которые Штока и Финта разменяли, за «решками» окажутся, писец им... Вот на что намекает мент поганый...

– Чем они тебе не угодили, уроды эти? – с усмешкой прищурил глаза Граф.

– Корешка они моего прихлопнули, – помрачнел опер. – На точняк это знаю. Но доказательств никаких... Руками Графа мент задумал наказать убийц кента своего. Что ж, в «мусорской» работе это не внове. Да и Граф не прочь устроить ублюдкам «толковище»...

– Учти, «мусор», из-под земли тебя достанем, если ты туфту впарил. И до жены твоей доберемся...

Граф впился взглядом в глаза мента. Как в открытую книгу в них смотрел.

– Это лишнее...

Мент спокоен. Никаких признаков тревоги. Видно, не лепит горбатого. Все честно... А ведь какой информацией он Графа подогрел. Чистый брильянт!

Опер исчез. Ему на смену появились встревоженные Вагонетка, Дых, Капуста, Муля, Лапоть и Шмель. Этих привел Бекас. И пацаны Алычи были уже на подходе. Перед лицом смертельной опасности вся команда должна быть в сборе. * * *

– Что, облажались, придурки? – Коренастый крепыш с глубокими залысинами на крупной голове тяжелым взглядом сверлил своих головорезов.

Те виновато молчали.

– Какого-то урку достать не смогли. Позорище...

Алексея Горбылина погнали из Комитета за превышение служебных полномочий. Он служил офицером спецназа КГБ. Неплохо служил, награды имел. Но уж больно любил деньги. Из-за них на преступление пошел. Вместе с единомышленниками из своего же отряда на «цеховика» одного наехали. Знали, где он «бабки» прячет. И скачали с него все до последней копейки. Надо было бы грохнуть его, да думали, это лишнее. И зря так думали. Стукнул «цеховик» в «контору». В масках они работали, поэтому козел тот не мог их опознать. Но гэбэшные опера не даром хлеб свой едят, вышли они на Алексея и его сообщников. Всех пятерых повязали. Но прямых улик нет, доказательства их вины только косвенные. Да и честь мундира всемогущей «конторе» дорога. Словом, вся эта история увольнением из рядов доблестного КГБ для Горбылина и иже с ним закончилась. Можно сказать, испугом отделались.

Первое время Алексей жил сам по себе, пока деньги не закончились. В восемьдесят девятом снова собрал дружков под свое крыло. И начались их гастроли по стране. На дело выходили редко, но метко. И капиталец кой-какой сколотили. А потом отошли от разбоев и грабежей. Решили в Задворске осесть. Бизнесом заняться. Но не каким-нибудь, а экспортом за рубеж

цветного металла. Не бандитами будут, а предпринимателями. И уже точно никогда на тюремные нары не загремят. Но сначала к комбинату нужно подобраться. И подобрались. Управляющее звено втихаря в оборот взяли. Кого шантажом, кого деньгами купили. Попутно с ментом одним расправились. Но сработали чисто, не подкопаешься. Оставалось «крышу» криминальную с комбината снять. А это местный уркаган, Граф.

Продумали все до мелочей.

Для начала запугали одного местного мафиози по кличке Баул. Дезу ему подкинули, будто сегодня ночью Граф собирается киллеров на него спустить. И так обрисовали картину, что придурак тот в особняке закрылся, охраной себя окружил.

А потом за самого Графа взялись. Да только не все вышло гладко, ушел Граф из-под обстрела. Если бы со снайперской винтовкой работали, ему бы несдобровать. Но нужно было изобразить тактику бандитов. Пальба из автоматов в ресторане подходила как нельзя лучше. Но, увы, Граф ушел.

Но нет худа без добра. Теперь все шишки посыплются на Баула. Пусть Граф и этот ублюдок перегрызут друг другу глотки...

Горбылин уже хотел отпускать своих «соколов» – пусть отдыхают после трудов праведных, – когда вдруг почувствовал беспокойство. Тревога нарастала. Звериное чутье выдало сигнал об опасности...

Дом они купили себе на краю города. Хороший дом, добротный. Им пятерым здесь полное раздолье. Прежде всего безопасность. Поэтому по периметру дома с внутренней стороны забора установили камеры наружного наблюдения, собак сторожевых в дозор пустили. Ночью и днем в специальной комнате кто-нибудь дежурит. Там мониторы на каждую видеокамеру. Сиди себе в кресле, держи помповое ружье наготове да на экраны поглядывай. Ни одна падла незаметно не прошмыгнет...

Но сейчас в этой комнате никого нет. Некому отслеживать обстановку... А из темноты ночи надвигается опасность...

– Всем по боевым местам, живо! – скомандовал Горбылин.

Хотелось бы, чтобы тревога оказалась ложной. Но вдруг он не напрасно поднял шумер?

И как бы в подтверждение этим мыслям дверь в его кабинет резко распахнулась, и в комнату ворвались вооруженные омоновцы в шапочках-масках. Какие-то доли секунды, и вся его команда была взята под прицел. Только дернись, и получишь свинцовые витамины в живот...

Идиотизм! Охрана была так тщательно продумана, но в нужный момент на посту никого не оказалось. Закон подлости. И омоновцы сработали лихо. Без шума подобрались к его апартаментам...

– Это что такое? – гневно выкрикнул Горбылин.

На его лице ни тени испуга.

А чего ему бояться? Ни одна ментовская ищейка не докопается до криминала. Он умело заметал следы. А подозрения на его счет так и останутся подозрениями...

Омоновцы не собирались отвечать на его вопрос. Они просто подскочили к нему, подсечкой срубили его с ног, швырнули лицом на пол, заломили руки за спину, сковали их наручниками. А еще у него из кармана извлекли... пакетик с белым порошком. Вещество, похожее на героин. Вот это уже перебор. Горбылин никогда в жизни не имел дела с наркотиками. Но как докажешь сейчас, что ты не верблюд...

Обвинение сшили по факту незаконного хранения наркотиков. И уже к обеду следующего дня Горбылин оказался в камере следственного изолятора. Его соратников расшвыряли по другим «хатам». Жаль, им бы держаться вместе.

Настроение у него было не в дугу. Так и подмывало набить кому-нибудь рожу. А кто из сокамерников мог бы дать ему отпор? Этот, что ли, татуированный с гнилыми зубами? Или

вот тот доходяга с впалыми глазами? Оба из блатных. Но кто они против него? Только пусть вякнут и сразу же распластятся на полу с переломанными костями...

А они как будто чувствовали его настроение. И не возникали. Горбылин ощутил себя королем в камере. Еще трое обитателей – вообще чмыри болотные, те даже глаза на него поднять боялись...

Алексей плюхнулся на свободную «шконку», заложил руку за голову и закрыл глаза. Ну хоть бы кто подошел, затронул его. Вот бы получил ногой по яйцам! Но никто не подходил... Боятся, падлы!

Настроение немного улучшилось. Все не так уж и плохо. Нет против него у ментов ничего. Не докопаться им до былых его «подвигов». А по факту убийства мента, которого они вместо люстры к потолку подвесили, вообще уголовное дело не заводилось. Покушение на Графа и куча трупов в ресторане – так это Баула рук дело. При чем здесь Горбылин?

И все же его взяли. Значит, в чем-то подозревают. Но у него все чисто. За исключением наркотиков. Вот падлы, нашли на что взять. Но ведь протокола изъятия нет, понятых тоже. Не сегодня завтра его отпустят за отсутствием состава преступления...

Горбылин не заметил, как задремал. Проснулся от боли. Что-то острое – наверняка иголка – вошло под ноготь. Он хотел дернуться, но крепкие руки держали его, не давая подныться. Помутневшими от боли глазами он увидел над собой лицо блатаря-доходяги.

– Что, больно, падла? – спросил тот, злобно оскалившись.

Боль требовала выхода через крик. Но Горбылин мог только мычать. Рот также сжимала чья-то рука. А когда он попытался открыть рот, туда вошел кляп. Жуть какой вонючий. Неужели чьи-то носки? К горлу подступила тошнота.

Иголку из-под ногтя вынули. Боль немного утихла. Но у Горбылина по-прежнему не было возможности вырваться из цепких тисков уголовников. Его держали все пять человек, бывших в камере. И у всех ожесточенные лица, ненавидящие взгляды.

– Колись, падла! – прохрипел блатарь.

«Что вам надо?» – хотел спросить отставной спецназовец. Да кляп мешал.

– Ты на Графа наехал?

Да это самая настоящая пытка. Урки в роли следователей... Только Горбылину это не казалось смешным. Уж эти с ним церемониться не станут. Все, что угодно, сделают, лишь бы до правды достучаться. До правды... Им нужна правда. Насчет Графа... Прознала-таки эта мразь, откуда ветер дует. Тайно Горбылин дела свои вел, да, видно, расшифровали его. Какая сука дозналась?..

Горбылин сделал удивленные глаза. Какой, дескать, граф? Ни с графами, ни с баронами он не имеет дел...

И тут же иголка вошла под другой ноготь. Острая боль вонзилась в сознание. Терпеть не было сил.

Когда иголка вышла, изо рта вытащили кляп.

– Ну что, колоться будем?

Горбылин пожал плечами. Ничего он, мол, не понимает...

На этот раз с него стянули штаны, чья-то рука бесцеремонно вытащила из трусов мужское достоинство. И тут же боль. Хлынула кровь. Какая-то мразь начисто срезала ему головку...

Это было что-то ужасное. От шока Горбылин потерял сознание. Очнулся он все на том же месте, под прицелом тех же глаз.

– А ща весь болт оттяпаем, – злорадно сообщил ему татуированный.

– И яйца «куму» на омлет, – добавил кто-то.

Не для куража это было сказано, не в шутку. Поэтому никто из уголовников не рассмеялся. Горбылин не сомневался, что угрозу приведут в исполнение...

Ну хотя бы надзиратели заметили, какой произвол творится у них под носом. Но на это уповать тщетно. Если в дело вмешался Граф, то ничто уже не поможет Горбылину...

– Ты, урод, на Графа наехал?

Его сковал смертельный ужас.

– Не скажу... Вы все равно меня прикончите...

– Сечешь, козляра, – гадливо ухмыльнулся урка с гнилыми зубами. – Но одно дело концы сразу отдать, другое – долго-долго мучиться...

И как бы в подтверждение своих слов достал откуда-то нож и снова полез ему в штаны. Сейчас отрежет яйца...

А потом отрежут нос, уши, выколют глаза. И будут наблюдать, как он медленно умирает. И при этом тыкать иглой под ногти... А надзиратели будут делать вид, что в камере ничего не происходит...

– Я скажу, я все скажу, – завизжал Горбылин.

У него не было выбора, кроме как начать колотиться. В награду он получал легкую смерть.

* * *

Не зря Граф отвалил менту «бабки». Все было в точности, как он сказал. Действительно в городе обосновалась залетная кодла. Но теперь нет больше этих козлов. Вытрясли из них на «хатах» всю правду, а потом к праотцам отправили. А как еще с ними поступать?

А вот как поступить с этим?

Граф расстреливал взглядом пузатого коротышку с рыжей башкой. Один из замов генерального директора алюминиевого комбината. Этот ублюдок продался козлам залетным, за бабки согласился помогать им...

– А меня, значит, побоку пустил? Да? – зло спросил Граф.

Рыжик съежился.

В подвале загородного дома разговор шел. Коротышку сюда Алыча, Лапоть и Шмель тепленького приволокли. Из постели, от молодой жены оторвали. Хорошо ему было, а сейчас плохо. И страшно. Знает ведь, что против Графа пошел, а это непростительно...

– Да я не хотел, так получилось, – захныкал Рыжик.

– Вот и я не хочу тебя грохнуть, а получится...

Граф подал знак, и Алыча достал волюну. Ствол «ТТ» уперся коротышке в переносицу.

– Ну чо, кончать козла? – лениво спросил Алыча.

Под Рыжиком образовалась лужа.

– Да, нехорошо на тот свет в мокрых штанах отправлять, – усмехнулся Граф.

– Что, ждать, пока обсохнет?

– Жди...

– Простите меня, – заскулил коротышка. – Я все понял, больше не буду...

Ну право же, детский сад. А ведь такой деловой, когда в своем кабинете сидит.

– Ты не думай, я без тебя обойдусь, – словно бы нехотя обронил Граф, обращаясь к Рыжику. – Не будет тебя, другого найдут. Я и того в оборот возьму. Или ты сомневаешься?

– Нет, Федор Николаевич, не сомневаюсь...

Ага, надежда на благополучный исход у фраерка появилась. Да, возможно, он останется жив. Ведь он принадлежит Графу с потрохами. Все, что скажет, сделает... Но предательство не должно оставаться безнаказанным.

– Даю тебе шанс!

Граф подозвал к себе Шмеля. Взял у него шестизарядный револьвер. Специально «игрушку» приготовили.

Со щелчком откинулся барабан, обнажились темные жерла пустых каналов. В один из них Граф вставил патрон. Вернул на место барабан и несколько раз прокрутил его.

– Жизнь – рулетка, – сказал он, направляя ствол в лоб Рыжику. – Никогда не знаешь, какой билет тебе выпадет...

Он начал давить на спусковой крючок. В ожидании выстрела коротышка зажмурил глаза. Курок сработал вхолостую. Рыжику повезло – один-единственный патрон в барабане был не для него.

– В следующий раз шанса у тебя не будет, не жди... – предупредил «счастливчика» Граф.

Но он видел по глазам Рыжика, что второго раза не будет. Этот слизняк сделает все, чтобы угодить дорогому и уважаемому Федору Николаевичу...

Да и вообще, найдется ли в Задворске такой, кто посмеет пойти против воли Графа?

* * *

Жорж продал свою квартиру, получил деньги. А через две недели уже обивал пороги городской администрации.

– Мы, ветераны Афганистана, хотим создать свой фонд, – выставляя на обозрение Звезду Героя, объяснял он важному чиновнику.

– Какой фонд?

– Фонд социальной реабилитации инвалидов Афганистана... Вы же знаете, таких у нас в городе полно...

– Разумеется...

– И городские власти обязаны проявить о них заботу...

– Ну есть же всевозможные льготы...

– Льготы – это одно, а социальная реабилитация – другое... В общем, мы хотим создать предприятие, где будут работать исключительно инвалиды афганской войны...

– И что же вы от нас хотите?

– Помещение под цех и льготные кредиты...

Через месяц городской фонд инвалидов, созданный по инициативе Жоржа, получил в аренду здание под цеха еще не зарегистрированного предприятия, и льготные кредиты он выбил... А еще попутно выпросил по льготной цене помещение под кафе. На волне начавшейся приватизации такое помещение ему было выделено...

Работал Жорж не покладая рук, сразу на два фронта разрывался. Как представитель общественной организации он создавал предприятие по переработке кожи: произвел регистрацию, закупил оборудование, набрал кадры из числа инвалидов афганской войны – и все это в пределах незначительных сумм, выделенных под льготный кредит. Крутись как хочешь, но невозможное сделай. И он сделал. К началу 1992 года небольшое предприятие фонда социальной реабилитации дало первую продукцию. В это же время Жорж выгодно продал помещение под кафе.

– Организация у нас серьезная, можете не сомневаться. На нашем предприятии занято сорок человек инвалидов афганской войны. Но я как председатель фонда считаю, что этого количества мест недостаточно...

Жорж говорил убедительно. Его внимательно слушали. И не где-нибудь, а в самой Москве. До правительственных чиновников он добрался. И как клещ вцепился им в уши.

– Необходимо расширить сферу предпринимательской деятельности нашей общественной организации. Городские власти помогают нам, но, к сожалению, недостаточно...

– А в чем проявляется эта, простите, недостаточность?

– Нам необходимо еще одно помещение под дополнительный цех. И кредит льготный. Мне обещают, но воз, как говорится, и поныне там...

– Вы хотите, чтобы мы утрясли вопрос со льготным кредитом?

– Да желательно...

Льготный кредит во время гиперинфляции отличная вещь. Берешь деньги, а спустя установленный срок возвращаешь копейки. Но и банкиры тоже не дураки, им льготные кредиты по протекции официальных властей как нож в сердце. Но если долго мучиться, обязательно что-нибудь получится. Жорж не раз имел случай убедиться в этом...

– Хорошо, мы решим этот вопрос, но нужно время...

– Я понимаю...

В кабинете, кроме него и чиновника, никого не было, поэтому он без стеснения вынул из кармана пиджака пухлый конверт и положил на стол чиновнику. Конверт вмиг исчез в недрах этого стола. Теперь Жорж не сомневался, что вопрос со льготным кредитом будет решен быстро.

– Но льготный кредит – это еще не все...

– Да?

– Нам бы льготы по налогам и право беспошлинного ввоза алкогольной и табачной продукции. Если наш фонд будет пользоваться этими льготами, мы получим большую прибыль. И, соответственно, увеличим число рабочих мест...

– Это интересно... Хорошо, я попробую вам помочь... Вам нужно собрать полный пакет необходимых документов...

Жорж понимал, что в первую очередь подразумевается под документами.

– Это будет сделано в самые кратчайшие сроки...

– Замечательно... Только вот я вам кратчайших сроков обещать не могу...

На следующий день Жорж выложил в виде взятки почти все свои личные сбережения за последний год. Квартира, кафе, парикмахерская, еще кафе, маленький ресторан. Торговля недвижимостью приносила ему хорошие деньги. Девяносто тысяч долларов. И все они пошли в дело...

Что ни говори, а право беспошлинного ввоза ходового импортного алкоголя и табака – дело великое. На нем можно делать такие деньги... И Жорж этого права добился. Для себя, разумеется. А для фонда – льготного налогообложения.

Часть вторая

Глава первая

Леон жадно вдохнул свежий воздух свободы. Постоял немного, впитывая лучи еще нежаркого апрельского солнца. Оказывается, по ту сторону стены оно совсем не такое, как по эту.

По грунтовой дороге он зашагал в рабочий поселок.

Скоро он сядет в автобус, затем доберется до железнодорожного вокзала и ту-ту-у, в родные края. Ехать всего одну ночь.

Четыре с половиной года взаперти. Четыре с половиной года, выброшенных из жизни. И все благодаря этой суке Олесе...

Леон был зол на нее. Это она бросила его за решетку, это по ее вине он не жил эти четыре с половиной года, а просто существовал. Леон был зол на весь мир. Это менты поганые подвели его под статью, это они закинули его за «решки». А ведь могли бы тщательней во всем разобраться, тогда бы понятно стало, что он не насиловал Олесю. Так нет, им легче человека в кичман зафуговать...

Четыре с половиной года. Они не прошли для Леона даром. На зону отправляли одного человека, а обратно выходил совсем другой. Человек, обозленный на весь мир...

* * *

– Кто он такой, этот Иван Булатников? – с деланой небрежностью спросил кряжистый мужчина с глубоко посаженными глазами.

На нем костюм за две тысячи долларов, он весь ухожен, дорогим одеколоном опрыскан. Но при этом от него за версту веет деревней. Ему бы за рычагами трактора в колхозе чернозем вспахивать, а не в кабинете роскошного офиса заседать.

– Да известная личность, – с готовностью пояснил ему качок в кожаной майке. – Председатель городского совета бесконтактного карате...

Бритый квадратный затылок, тяжелый взгляд, уверенность в каждом движении. Типичный рэкети́р. И кликуха под стать – Бульдозер. Вот этот точно занимает свое место...

– Что, серьезный дядя?

– Черный пояс, третий дан. К его слову в городе многие прислушиваются...

– И он пользуется этим, коз-зел, – процедил сквозь зубы Баул.

– Точно, босс! – кивнул головой Бульдозер. – Воду, в натуре, мутит, на пацанов наших наезжает. Нельзя, типа, спорт с рэкето́м мешать... Во дятел, а?

– Ну так все это слова...

– Да базара нет, никто его всерьез не принимает. Но он все одно не унимается...

– Да уж вижу!

Баул небрежным жестом отбросил от себя краевую газету. Писака хренов! Его, всеми уважаемого Бориса Петровича Баулина, бизнесмена и кандидата в депутаты Законодательного собрания края, грязью облил. Бандитом обозвал. Позором клеймит, похитителем человеческих душ называет. Типа, городских спортсменов развращает, в бандитский омут с головой окунает... И факты его биографии излагает в своей писанине. Тогда-то бизнесом незаконным занимался, потом кооператором стал, затем банду из спортсменов сколотил, весь Западный район под себя подмял, Центральный и Восточный в оборот берет... Бандитом быть нынче

даже модно. Эдакие крутые дяди при пушках и тугих бумажниках. Но этот подонок Баула полным ничтожеством изобразил. Даже гнилью обозвал... А еще он против боев без правил возбуждает. Да, водится за Баулом слабость бои «гладиаторов» лицезреть. По нраву ему эти зрелища. Сам эти бои и устраивает. И глазу приятно, и тотализатор в его пользу «бабки» срывает.

– Надо что-то делать, босс? Ты только скажи...

– Да и скажу... Кто кроет этого гада?

– Да никто... Он сам по себе...

– Значит, предъяв на счет него не будет...

– Да на хрен он кому нужен?

– Тогда кончайте урода...

– Да без проблем...

Баул на секунду задумался.

– Нет, кончать не стоит...

– А чего?

– Если с Булатниковым что-нибудь случится, на меня первого менты подумают. Он же против меня пошел...

– А ты, босс, у нас без пяти минут депутат, – ощерился Бульдозер. – Тебе неприятности не нужны...

– Сечешь поляну...

– А то... Может, этого урода просто в отбивную форшмануть?

– Ничтяк... Только не переборщите...

* * *

Леон остановился перед дверью. Вот он и дома. Только как его встретят? Ведь на этот раз он не с войны возвратился, а из мест не столь отдаленных. Уголовник он, как ни крути. Нет ему почета... Да плевать он хотел на этот почет!

Он резко нажал на кнопку звонка. Дверь открыл Иван.

– Братан, вернулся! – обрадовался он.

Его улыбка была даже шире, чем когда его из Афгана встречал. На душе у Леона стало тепло.

– Мать с батяней на работе, – накрывая на стол, сообщил Иван. – И Ирина тоже...

Ирина – это его жена...

– Но мы и без них начнем. – Иван извлек из холодильника бутылку водки.

Леон против этого не возражал.

– Ты как, на курорте своем форму поддерживал? – спросил брат, усаживаясь за стол.

– Ну а как же. И себе расслабляться не давал, и других учил...

– Кого это других?

– Ну, понятное дело, не пионеров...

– Уголовников, значит...

– Ага, воров...

– Зря ты это, – нахмурился Иван. – Уроды они все... Ну давай, за встречу!

– Ну почему уроды? И среди блатных есть стоящие люди...

– Все эти стоящие люди страну со всех сторон паутиной криминала обложили. Бандитов сейчас, как в былые годы комсомольцев. С ума все посходили...

– Жить как-то надо...

– Ты что, защищаешь их? – нахмурился Иван.

– Да нет, не защищаю. Но и не осуждаю... Мне вообще все по хрену...

– Ты что, Леон? – округлил глаза Иван. – Разве так можно?... Да, обожгла тебя зона...

– Зона меня одному научила. Каждый за себя! Только так можно было выжить. Понял?
– Но ты же не на зоне...

– А наша страна – это сплошная зона. Ты сам меня к этой мысли только что подтолкнул...
И вообще, давай не будем забивать друг другу баки...

Иван кивнул. Ему самому неприятен был этот разговор.

Они посидели за столом, выпили, закусили. Потом Леон начал приводить себя в порядок. Вымылся, побрился, достал из шкафа старые джинсы «Авис», натянул их на себя, примерил джемпер. Видок у него, конечно, не по моде. Но ничего, на первое время сойдет.

– Ты куда? – спросил Иван, когда он подошел к двери.

– Да в одно место нужно сходить, – не оборачиваясь, ответил он. – Я недолго...

Он и в самом деле задерживаться не собирался. Олесю навестит, и все. Нет, мстить он ей не будет. Но так хочется в глаза ей посмотреть... Что же она, сука, наделала?..

– Нет ее дома, – сказала ее мать.

Смотрит на Леона из-за двери и не узнает. Вот дура... Так хотелось с силой ударить по двери ногой, прижать к косяку ее безмозглую голову. Ведь и она повинна в том, что его упекли на зону...

– Когда будет? – грубо спросил он.

– В июле, может, и приедет...

– Как в июле? Почему приедет?

– Да в Москве она. В институте учится. Институт скоро закончит...

– Но на каникулы приедет?

– Приедет... – И тут глазки женщины забежали. Наконец-то поняла, с кем говорит. – Нет, не приедет она!

Она резко подалась назад, захлопнула за собой дверь. Леон усмехнулся, повернулся и стал спускаться по лестнице.

И тут началось.

– Уголовник! Зэк! Насильник!

Это орала из-за приоткрытой двери мать Олеси. Вот идиотка!

Навстречу Леону шла симпатичная девушка. Услышав обращенные к нему крики, она испуганно покосилась на него и вжалась в стенку, пропуская его мимо.

Леон с трудом удержал себя от того, чтобы не вернуться и не набить морду Олесиной матери...

Наташа вышла из подъезда. Подошла к своей машине. Огненно-красный «Порше». Это ей дядя Федор на девятнадцатилетие подарил.

Дядя Федор – величина. Бизнес у него свой, денег куры не клюют. Но это не все. Он еще вор в законе. Когда-то Наташа ломала голову, откуда у него столько татуировок на теле. И только потом узнала, что он вор, не раз сидел в колонии. Но вор вору рознь. Он птица высокого полета, его все боятся, все слушаются. Он самый главный вор в Задворске. Мафия у него своя. Его даже мэр города слушается.

Мама спала с дядей Федором. Наташа знала об этом давно. Но недавно она узнала и другое. Оказывается, дядя Федор ей никакой не дядя. Он ее родной отец. Так уж вышло... Вот почему такая забота о ней с его стороны. Машина, деньги на карманные расходы и даже телохранители...

Вот сейчас Наташа собиралась на день рождения к подруге. На ночь глядя едет. И ничего не боится. А чего бояться-то? Отец уже подослал ребят ей в сопровождение. Вон, «девятка» цвета мокрого асфальта стоит, из нее знакомые глаза на нее смотрят. Сейчас она поедет, и эта машина отправится за ней вслед. Два телохранителя выручат ее из любой беды...

Она открыла дверцу, села за руль. И тут что-то заставило ее посмотреть влево. Она невольно вздрогнула.

В трех шагах от нее материализовался молодой человек крепкого телосложения. Старомодные джинсы, столетней давности джемпер, кроссовки облезлые. Но главное не это. На нее смотрел тот самый парень, который когда-то спас ее от бандитов. Наташа уже знала причину, по которой ее похитили. Отец рассказал. И о парне этом обмолвился. Мол, не дал твоего спасителя в обиду. В тюрьму его посадили, за изнасилование. Хотя вроде он никого и не насиловал. Его за это могли очень сильно побить. Но отец объяснил кому надо, что этого делать не надо...

Значит, этот парень уже отсидел свое, домой вернулся. И к ней пришел. Все тот же влюбленный взгляд. И молчит, как будто воды в рот набрал.

А еще он некрасивый. Не больно-то трудилась природа над его лицом, и шарма в нем мужского почти нет...

– Вы что-то хотели? – с небрежной жалостью спросила она, вставляя ключ в замок зажигания.

Парень продолжал молчать. И по-прежнему не отводил от нее влюбленных глаз. Чокнутый какой-то...

Наташа пожала плечами и захлопнула дверцу. Не глядя на него, тронула машину с места и покатила к выезду со двора. «Девятка» с телохранителями двинулась вслед за ней. Но затормозила рядом с парнем...

@INT-20MIN = Машина остановилась в трех шагах от Леона, опустилось стекло, и показалась наглая рожа водителя.

– Эй, те чо надо? – грубо спросил он.

– Ничего, – не стал отвечать грубостью на грубость Леон.

– Ты к этой девахе не подкатывай, понял? – презрительно скривилась рожа. – Тебе Граф из-за нее задницу на вымпелы порвет. Так что врубай...

Последние слова уже были брошены из удаляющейся машины. «Девятка», по всей видимости, спешила нагнать «Порше» Наташи...

Леон уже знал, кто такой Граф. Просветили его на зоне на этот счет. Смотрящий по Задворску он, вот кто такой Граф. Большой авторитет в городе. Хозяин, одним словом. В прошлом году его короновали. Это, конечно, значительно усилило его позиции.

Значит, Граф из-за Наташи задницу ему на вымпелы может порвать. А с какой это стати?.. Неужто она его любовница?.. Леон поспешил отогнать от себя эту нелепую мысль.

Надо рассуждать логически.

Граф подписался за Леона, не отдал его в «петушиную команду». Значит, было за что. И тут в самый раз связать все с Наташей. Ведь он спас ее от похитителей. И Граф за это его отблагодарил. А ведь ей тогда было всего четырнадцать. Не могла же она быть его любовницей... Нет, тут что-то другое...

Он приехал вчера, а сегодня уже здесь, во дворе ее дома. Сидел, караулил ее. И вот она появилась. Он чуть не задохнулся, глядя на нее. Она была еще красивей, чем он ее представлял все годы на зоне. Богиня, настоящая богиня...

* * *

Иван возвращался с тренировки. До девяти вечера он молодежь подопечную гонял. А с девяти уже сам занимался. Вместе с такими же мастерами, как и он.

Только мастеров таких теперь раз-два и обчелся. И вовсе не из-за того, что перевелись. Просто многие классные ребята в криминал ушли. Они теперь в других спортзалах занимаются, вместе с такими же, как и сами, бандитами.

Да, криминал как червь ест общество изнутри. Иван пытался бороться против этого. Даже статью в местной газетенке тиснул. Обидную статью, направленную против одного бандитского авторитета. Баул. Этакий черный наставник молодых спортсменов-бандитов...

Тренировка закончилась в двенадцатом часу ночи. И вот он идет домой. До троллейбусной остановки недалеко, всего через сквер перейти...

– Эй, ты, притормози! – услышал он чей-то голос.

Иван остановился. Увидел пятерых крепышей. Они вышли из темноты и обступили его со всех сторон. Руки спрятаны за спину. Похоже, в них что-то есть.

Дело запахло жареным – Иван приготовился защищаться. Никак за статью в газете расплата намечается...

– Ну ты это, каратяка сраный, не дергайся, – гнусно засмеялся бандит. – Все равно забьем...

– Ага, как мамонта... – подтвердил второй.

– Ну тогда привет, неандертальцы!

В таких ситуациях нельзя ждать, когда тебя ударят. Иван резко выбросил руку вперед. Хрясь! Нос одного крепыша всмятку. Бедняга упал на землю бревном. Бац! И разбита вдребзги коленка второго бандита.

Зато трое других опомнились вовремя. И ударили одновременно. Тяжелыми бейсбольными битами. Вот что они прятали за спинами.

Иван успел поставить блоки сразу против двух дубин. Но третья саданула его по затылку. Из глаз посыпались искры, во рту противно запахло ржавчиной. Однако на ногах Иван устоял.

И снова серия ударов. На этот раз он смог защититься от одной биты. Зато две других нашли цель. Одной ему ударили под коленку сзади, второй перетянули по шее. В голове зашумело, почва стала уходить из-под ног. В падении он получил сразу три удара по голове. Дальше его били по рукам и ногам. Но этого он уже не чувствовал...

* * *

– Какая падла это сделала? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Леон.

Вместе с Ириной, женой брата, он ехал в такси, возвращались из больницы.

Ивану проломили череп, переломали кости ног, рук, ребра. Сейчас он лежал в реанимации, в сознание до сих пор не пришел. Врачи всерьез опасаются за его жизнь.

Ирину и Леона к Ивану не подпустили, только позволили посмотреть на него издали. Пришлось возвращаться несолоно хлебавши. Впрочем, это касалось только Леона. Ирина же намеревалась остаться в больнице в качестве сиделки. Она ехала домой, чтобы собрать необходимые вещи.

– А ты не знаешь? – пришибленно глядя куда-то вдаль, спросила Ирина.

– Менты и те не знают...

– Милиция на хулиганов все валит. А я-то знаю, что хулиганы здесь ни при чем... Бандиты Ивана изуродовали...

– Ну, бандиты – понятие растяжимое...

– Есть у нас в городе один авторитет. Баул его кличка. Благодаря ему спортсмены и рэкетеры стали чем-то вроде синонимов... А Ивану это не нравилось. Он за чистоту спорта выступал. Вот и довыступался...

– Думаешь, это его Баул?

– Не думаю – знаю. Не каждому ведь нравится, когда тебя прилюдно позорят. А Иван это сделал, через газету...

– Зря он это, – покачал головой Леон. – Против мафии в наше время не попрешь...

– Понятно, что зря... Эх, Иван, Иван...

Ирина обхватила лицо руками и беззвучно заплакала.

Да, с мафией свяжешься – без головы останешься. Но за брата отомстить ведь надо...

* * *

– Босс, все как надо сделали, – ощерился Бульдозер. – Ломанули каратакы...

– И в реанимацию отправили, да? – рывкнул Баул.

– Ну так получилось, босс. – Бульдозер явно был удивлен осведомленностью шефа.

Мол, откуда уважаемый Борис Петрович все знает?... А как ему не знать, если ему только что опер из ментовки звонил. Свой человек в тылу врага. Сообщил, что по факту нападения на гражданина Булатникова возбуждено уголовное дело. И опера из угро версии строят. Одна из них – месть за статью в газете. Бояться ментов, конечно, не стоит. Ни хрена они не докажут. Но все равно неприятно. Какой-то фуфлыжник, а из-за него проблемы...

– Ладно, проехали...

Некогда ему сейчас на какого-то Булатникова отвлекаться. Есть более важные дела. Кошка черная между ним и Графом пробежала. Из-за «бабок», конечно.

Раньше он Графа боялся. Помнится, три года назад на Графа какие-то уроды втихую нае-хали. Двух его пацанов авторитетных замочили. И до самого чуть не добрались. И все стрелки на Баула перевели. В доме своем пришлось тогда схорониться, страшно было, что Граф «правилку» чинить начнет.

А сейчас Баул Графа не боится. Вышел из детского возраста. Сейчас он еще большая величина... И вообще, кто такой Граф, если разобраться? Вор в законе, местный пахан, воровской общак за ним. Звучит угрожающе. А если глубже копнуть? Бизнесмен он прежде всего – есть в нем торгашеская жилка. Его, кстати, из-за этого короновать долго не хотели. Да и сейчас его старые правильные воры не больно-то жалуют.

Вся его власть на авторитете да на капиталах общаковских и своих собственных держится. Это, конечно, немало. Но на этом в нынешние времена далеко не уедешь. Сейчас все сила решает, способность ответить ударом на удар. У Графа есть своя команда. Десятка три «торпед» из «синих». Не слабые пацаны, без вопросов. И «подкованы» не хило: автоматы, гранатометы имеются. Для присмотра за бизнесом Графа их вполне хватает. Но против Баула они ничто.

Только одной «пехоты» у него полторы сотни. «Быки» все как на подбор крепкие: и телом, и духом. Дисциплина на высшем уровне. И руками машут будь здоров, и в тире к стволам приучены. Как навалятся на Графа всей силой, в пять секунд с дерьмом его кодлан смешают. А еще «чистильщик» у него есть. Киллер высокого класса с группой поддержки. Втихую любого разменяет, в том числе и самого пахана.

А Граф до сих пор не врубается, что Баул уже не тот. По-прежнему процент с него для общака воровского скачивает. И он, дурень, исправно ему отстегивает. Типа, так заведено... А хрен, пора закрывать лавочку. У Баула свой общак, он свою братву на зонах сам «греет». А воры пусть сами о себе думают. А то присосались, вишь ли, к бабкам честного рэкетира. Если у них с «хрустами» напряг, пусть самого Графа подоят. У него свой бизнес. Алюминий, нефть, бензин, рестораны свои, казино, отель строить начал. Рэкетом он вроде пренебрегает. Его конек – алюминиевый комбинат, крепко его под собой держит. Смачные сливки он с алюминия снимает. И все вроде законно – с правительством края он на договоре, имеет право десять процентов от всего металла по льготным ценам закупать и за бугор толкать. А это сумасшедшие «бабки». И еще крупный пакет акций комбината у него в руках, свой ставленник в совете директоров.

Закабанел Граф, зажирел. Дальше собственного носа не видит. Даже не догадывается, что не он уже в городе истинный хозяин. Баул – вот кому на самом деле подвластно все.

Весь Западный округ уже давно под ним с потрохами. И Восточный с Центральным легли под пята. Всех конкурентов с дерьмом смешал. Но почти без крови, без пальбы. Так, только

авторитетам черепа малость подпортили, а кодлы их под себя подмяли. Теперь все городские рынки под ним. Банков с десятков разного калибра наберется. Гостиницы, рестораны, магазины. Короче, дербанят его пацаны «карасей» по-черному.

И Графа с дерьмом надо смешать. Весь его бизнес Баул под себя подомнет. А самого в распыл пустит. И тогда останется в городе единовластным хозяином. А почему нет? Между прочим, давно пора расширять свои владения. Наезжать больше не на кого, только на Графа...

Воры возбухать начнут. Как же, против законника залупнулся. Да начхать на воров! С потрохами Баул под себя Задворск подомнет, сам мэром городским делается. А еще лучше губернатором края. Государство в государстве организует. Правительство, ФСБ, МВД, прокуратура – все под него ляжет. И тогда к нему ни одна воровская сука не подберется. Хоть пусть вся «черная масть» со всей страны против него ополчится...

Он пока согласен в общак воровской отстегивать. Но уже близок момент, когда лавочка эта закроется. Хрен ворам, а не «бабки»!

@INT-20MIN = Из головы Графа не выходил Баул. Зажрался, падла, оборзел сверх меры. С таким кисляком на морде в общак отстегивает. На тебе, Граф, «бабки», подавись...

Прежде все было по кайфу. Граф в свою дуду дул, Баул в свою. Нечасто их интересы пересекались. Если случались «рамсы», то разводились они без проблем, за столом в кабаке. И в общак Баул отстегивал сполна и без «косяков».

Постепенно Баул рэкетирские кодлы разного пошиба под себя подобрал. Теперь он над мелкими «княжествами» «великий князь». Шею бы свернуть ему надо было, пока он еще вес не набрал. Но Граф, напротив, поощрял Баула. Ведь тот не уставал показывать свою лояльность по отношению к пахану. Расширились его уголья, увеличился поток денег в общак. Пока вдруг Баул рыло свое свиное воротить не стал.

А ведь, гаденыш, может и вообще ничего не отстегивать. Не имеет Граф над ним реальной власти. Не сможет он достойно ответить ударом на удар. Нет у него той силы, что у Баула. Все больше бизнесом своим Граф увлекался, на авторитет свой налегал. Да, никто не мешал ему делать «бабки», не находилось смельчаков оспаривать его слово. И, казалось, так будет длиться вечно. Но Баул, падла, спутал все карты...

Вопрос стоит ребром. Кто кого? Или Граф раздавит Баула, или наоборот. Третьего не дано. Но наехать на Баула без повода он не может, иначе ему за беспредел предъяву кинут... Вот если бы Баул «косяк» какой упорол... Но этот гад скользкий, не дает за себя зацепиться.

А потом, этот ублюдок охраной себя окружил. Все реже из особняка своего нос кажет. Как будто чует, какие мысли в голове у Графа бродят. Только ментовским наездом и можно его оттуда выкурить. Но опоздал Граф. Баул под себя чуть ли не всю ментовку подмял. Далеко смотрел... А еще в краевом правительстве у него свои люди и в городской администрации. Как бы самого Графа омовцы или собровцы в оборот не взяли. Нет у него уже той власти, что раньше. Баул отобрал. Как же он проглядел этого вухухоля?

Да, не с голого понта быкует Баул, не блефует. Реальная сила за ним. И сам он признает только силу. Сила у Графа есть, но не столь мощная, как того бы хотелось. Что ж, он будет наращивать свой потенциал и давить, давить Баула. Медленно, да уверенно. Шаг за шагом он загонит в угол этого урода и уже затем поставит кровавую точку в его жизни.

Надо устанавливать над Задворском полный контроль. Все здесь должно принадлежать только ему. Тогда не с кого будет за отстег в общак спрашивать. Только с самого себя. Сам с «овец» «шерсть» стричь будет, сам и в общак процент класть...

Но и Баул тоже рвется к полной власти над городом. Готовит удар. Его нужно опередить...

* * *

Уже три года Жорж двумя ногами на рынке недвижимости в Задворске. Полтора миллиона долларов он сколотил на этом. А сколько впереди удачных сделок... Но, кроме недвижимости, он оседлал и торговлю. В дела фонда инвалидов Афганистана он вмешивается постольку-поскольку. Там и без него есть кому руководить производственной и коммерческой частью. Он только смотрит, чтобы дебет с кредитом сходился, и от убытков предприятие оберегает. А вот беспощадный ввоз и торговлю алкогольной и табачной продукцией почти подмял под себя. Незаконно, конечно, но ведь на его личные деньги и его ходатайствами эта льгота выбивалась. На алкогольно-табачном бизнесе он имеет до полумиллиона долларов дохода в год.

Сейчас Жорж с полным правом может назвать себя богатым человеком. Квартира у него четырехкомнатная в центре города, дача за городом – бассейн при двухэтажном доме, сауна, – «Мерседес» «пятисотый». Ну и, конечно, свой офис – пять комнат на втором этаже комбината бытовых услуг. Отдельный вход с улицы, светло, просторно, компьютеры, факсы, личный кабинет с приемной.

– Георгий Степанович, к вам посетитель, – сообщила по интеркому секретарша.

– Кто?

– Булатников Леонтий Геннадьевич, говорит, что ваш друг...

– Да вы что!

Жорж пулей вылетел из кресла и широким шагом подошел к двери. Распахнул ее. И вышел в приемную. Точно, Леон собственной персоной.

– Привет, братан! – прогрохотал Жорж. – Проходи, рад тебя видеть! – Он пропустил Леона в распахнутую дверь.

Два кожаных кресла в углу кабинета, столик журнальный, бар в стенке из цельного дуба – только потянись, вот тебе и выпивка.

– Хорошо у тебя! – оглядываясь, с восхищением протянул Леон.

– Да стараюсь.

Жорж достал бутылку «Метаксы», рюмочки побольше, нарезал апельсин.

– Счас мы с тобой посидим, потолкуем, а вечером в кабак, идет? – выложил он план мероприятий.

Друг из зоны вернулся. Все внимание ему. Какие могут быть на сегодня дела?..

– Пусто у меня в карманах, брат, чтобы в кабаке гулять, – покачал головой Леон. – Так что извиняй...

– Не, ну ты чего, обидеть меня хочешь? Я плачу...

– Ты мне другое оплати, – серьезно посмотрел на него Леон.

– Не понял, – растерялся Жорж.

– Пушка мне нужна... Пистолет, а лучше автомат. Сейчас все можно достать, были бы деньги. А денег нет...

– Ствол, зачем он тебе?

– Да надо... Ты лучше расскажи, как дела у тебя?

– У меня, брат, все на виду. Видишь, раскрутился... Квартиру после госпиталя получил. С нее все и началось. Выгодно продал, выгодно купил. И так по нарастающей...

– А с Олесей как?

– На Олесе я жениться собирался. Да только узнал, что это она тебя на зону уекла. Бросил... Кстати, от Андрона и Боба узнал. Мог бы чиркнуть мне письмецо, я б знал... Нет, это ж надо, отомстила, называется... Эй, слышь, а ты не на нее ствол?

– Ну да, еще раз из-за нее садиться... Не дождется...

– Тогда зачем ствол?

- Может, слышал, Ивана, брата моего, покалечили...
 - Да ну... Какая мразь?
 - Баул. Слышал о таком?
 - Допустим...
 - Иван ему дорогу перешел, а тот на него псов своих спустил. Дрынами его в парке замесили. До сих пор в отключке... Козлы!
 - Так что же ты хочешь? За брата поквитаться?
 - Шаришь... Я этому Баулу череп на решето пушу...
 - Ты в своем уме? Ты хоть представляешь себе, кто такой Баул?
 - Просвети...
 - Да он почти весь город к рукам прибрал. Рэкет, наркота, проститутки, все под ним. Только один Граф ему в противовес...
 - Кто такой Граф, я знаю...
 - Так вот, Баул еще круче Графа. Вот и думай...
 - Граф в городе крестный пахан...
 - Да, но Баул ему не по зубам...
 - Ну, я-то попробую его раскусить. Сам знаю, что против мафии идти дело гиблое. Но он мне брата изувечил. Понимаешь, брата!.. Иван, кстати, твоим учителем был...
 - Я его до сих пор сенсеем своим считаю, – тяжело вздохнул Жорж. – И любому бы башку за него отвертел. Но только против Баула не пойду... Ты уж извини...
 - А вообще-то у меня была мысль тебя с собой взять. Жаль, Андрона и Боба нет...
 - Андрон и Боб, может, и пошли б. Им терять нечего, только свои лейтенантские погоны... А у меня бизнес. И «крыша» своя бандитская... А знаешь, кто кроет меня?
 - Думаешь, мне интересно?
 - Баул меня и кроет, понял? Да меня же с дерьмом смешают, если я против него пойду.
 - И хату подпалят, – криво усмехнулся Леон. И тут же серьезно: – Ладно, Жорж, я тебя понимаю. Ты парень героический, проверено. И умный, тоже заметно. И терять тебе есть что. Это мне все по хрену... Ни кола ни двора, только судимость... К тому же и сам я боюсь с Баулом связываться... Но надо. Он моего брата обидел...
 - Знал бы ты, в какое дерьмо ввязываешься... Даже боюсь тебе «бабки» на ствол давать...
 - Да я уж как-нибудь сам...
 - Ну нет, автомат ты получишь... Но больше меня ни о чем не проси...
 - Ну все, проехали... Ты вроде что-то насчет кабака говорил...
- В ресторан Жорж ехал с надеждой отговорить Леона от безумной затеи. И, как ни странно, это ему почти удалось.
- Ладно, – косяя после первой бутылки коньяка, покачал головой Леон, – не буду я трогать твоего Баула... Пока не буду... Затаюсь, выжду время, а потом ка-ак дам...

* * *

- Граф собрал сход. В его загородном особняке собрались авторитетные члены его группировки.
- Возбуждает Баул, не очень-то хочет в общак наш лаве ссыпать...
 - Кости его туда ссылем, не вопрос. – Но в глазах Алычи не хватало уверенности. Врубал, что Баула голыми руками хрен возьмешь.
 - У Баула «пехоты» полторы сотни, – угрюмо буркнул Бекас. – А еще «гладиатор» крутой с нехилым подхватом, на раз мочат...

Высокопрофессиональный киллер. Но у Графа также были не слабые пацаны, любого в расход пустят, не поморщатся. И «пером» работают, и волюной. А вот с «пехотой» пока проблемы. Но ничего, и этот вопрос утрясти можно.

– Алыча, ты давай братву собирай. Пацанов в городе много, некому под ружье ставить. «Бригады» будем сбивать...

– Да без базара, будут «быки»...

«Быки» Графу нужны, только не стадо, а крепко организованная команда. Всех через спортзал пропустить надо, в тире обкатать, заморочками всякими задрочить, чтобы дисциплину железную установить, без наркоты и спиртогана месячишко подержать. И «подковать» бойцов надо капитально. «Бабок» на это дело уйдет немерено. Но скупиться нельзя, не тот расклад... Придет время, «бригады» на подножный корм перейдут. Рынки баульские поотбивают, рестораны, магазины – с этого и будут кормиться. У каждой «бригады», каждого «звена» свои «пастбища». А Графу дополнительный доход. И еще большая власть. С мощной «пехотой» он подомнет под себя Задворск со всеми потрохами, станет здесь единовластным хозяином... Вообще-то нужно было раньше об этом думать, пока Баул в силу большую не вошел. Но ничего, лучше поздно, чем никогда.

– Пару «бригад» для начала сколотим, дюжины по две стволов в каждой, – размышлял вслух Граф. – Ты, Алыча, всех под себя возьмешь. «Бригадирами» у тебя Тихон и Вагонетка будут... Пацаны они толковые, в авторитете, сладят дело...

– Да пацаны они ничтяк, – легко согласился Алыча.

Ему льстило, что Граф доверил ему всю «пехоту».

– Сначала Тихону «бригаду» сколоти. Ну и Вагонетку, значит, не забудь... А за тобой, Бекас, стволы. – Граф посмотрел на второго своего помощника. – И чтобы не хуже, чем у Баула...

– Да не вопрос, была бы капуста...

– За этим дело не станет...

И тачки нужны, и радиотелефонов побольше. Мобильность и связь – это очень важно...

– Давить будем Баула. Все его «пастбища» к рукам приберем...

– Крови будет много...

– Лучше чужая кровь, чем своя... А Баул зуб на нас точит...

– В рот ему, козлу, – презрительно поморщился Алыча.

На этот раз в его взгляде уверенности хоть отбавляй.

– Ты, Гончар, – Граф исподлобья глянул на невысокого худощавого мужичка лет сорока, – компру на Баула собирай, мазу на него тянуть будем...

Гончар не из черной масти, он честный фраер. Нюх у него на всякое дерьмо зашифрованное уникальный. Только глянет на человека и уже может сказать, кто он, чем дышит, с чем его едят. Честный пацан он или сука «кумовская». Стукачей-сексотов не раз раскусывал. На зоне, у Графа на подхвате, он срок тянул. Незаменимый кадр. И сейчас Гончар постоянно при нем, он его директором комитета гангстерской безопасности называет.

– Есть тут на него кое-что, – подал голос Гончар. – Но так, пустяк...

– Ну?..

– В газете статейку на него один чувак тиснул. Типа, козел он, этот Баул, спортсменов в мафию втравливает. Ну и, конечно, чувака этого втихую сделали. В больнице он сейчас, в реанимации. «Торпеды» баульские постарались... Менты Баулу предъяву клеят. Да только тому хоть бы хны. Доказательств-то нет, одни догадки...

– Ну и чо?

– Да можно «торпед» баульских повязать, на признанку расколоть, на видеокамеру снять...

– А кто он, тот чувак, на которого наехали?

– Иван Булатников, председатель городского совета бесконтактного карате-до...
– Что-то знакомое...
– Его младший брат, Леонтий, оказал вам в свое время одну очень важную услугу...
Все Гончар помнит, все знает.
– Он вроде тоже каратяка... И в Афгане воевал... На зоне он сейчас...
– Нет, уже откинулся. Три дня как дома...
– Бери его в оборот, Алыча. Пацан боевой, да на Баула теперь злости у него в избытке.
«Быком» его к себе бери. Посмотрим, как поведет себя...
– Как скажешь, Граф...
– А Баулу надо предьяву бросить. Типа, каратяка тот под нашей «крышей» был. А Баул наехал на него, «косяк» упорол. Спросим с него за это... А тех, кто каратяку месил, разменять...
– Разборки начнутся не слабые, – вставил слово Бекас.
– Да, бойня покатит в цвет, – не стал отрицать Граф. – Но без крови Баула не раздавишь...
Ивану Булатникову отводилась роль яблока раздора. Якобы из-за него начнется кровавая война за господство мафиозных кланов. А Леонтий, его младший брат, значил для Графа не больше, чем солдат для генерала...

* * *

Леон услышал автомобильный сигнал. Он посмотрел вправо и увидел черный «БМВ»-«пятерку». Из него рожа выглядывает. Какой-то наглец в упор на него смотрит.

– Ну, чего вытаращился? – Леон подскочил к машине.

– Э-э, ты чо, в натуре? – испуганно сказал тот.

Тихонько распахнулась задняя дверца. Из машины вышел кряжистый мужик с метровыми плечами. Морда типичного уголовника, глубоко посаженные глаза, перебитый нос, шрам над губой. В нем угадывалась козырная масть.

– Да ты расслабься, пацан, – снисходительно улыбнулся он. – Никто на тебя наезжать и не думает...

– Чо надо? – настороженно посмотрел на него Леон.

– Иголки-то спрячь, а то кольнешь ненароком, – непонятно, то ли осуждение, то ли одобрение в его голосе. – Ты Леонтий...

– Ну я...

– На зоне Булатом погоняли?

– Было дело...

– Вот видишь, я о тебе знаю...

– А я о тебе не знаю ни хрена...

– Меня Алычой кличут... Короче, все это левый базар, давай по делу перетрем... Присаживайся, побазлаем...

Леон сел на заднее сиденье, но дверцу за собой закрывать не торопился. Мало ли что...

– Ты Графа знаешь? – не глядя на него, спросил Алыча.

Он достал сигарету, закурил. Леону не предложил.

– Еще бы не знать. Он за меня мазу потянул, когда меня опустить хотели...

– Я в курсах...

– Тогда зачем спрашивать?..

– Твоего брата, Булат, Баул замолотил, ты знаешь? – неожиданно спросил Алыча.

– Да уж, просек...

– А Граф за это на Баула наехал...

Леон не мог поверить своим ушам. Граф? Наехал на Баула? Из-за Ивана?

– С какой стати?

– Баул беспредельщик, на «правилку» его пора ставить. Совсем оборзел, падла...

Да, иногда воровская масть хватается за справедливость. Но в этом больше понта, чем искренности. Леон в этом на зоне не раз убеждался. Все они одним миром мазаны: и блатные, и беспредельщики...

– Мочить нужно Баула, – процедил сквозь зубы Леон.

За брата он кому угодно глотку порвет.

– Придет его время... Тут мы козлов вычислили, которые брата твоего месили...

Это исполнители. Но на них вины не меньше, чем на самом Бауле.

– Зачем мне это знать?

– А затем... Брать этих козлов сегодня будем. Граф хочет, чтобы ты был в деле...

– Я сам этого хочу, – немного подумав, ответил Леон. – А тем более, если Граф хочет...

Графу он обязан чуть ли не жизнью. Если бы Леона опустили, перевели в петушинный угол, он скорее всего наложил бы на себя руки. Но и смерть ведь не отмыла бы его имени... Живой или мертвый, все равно петух...

– Ну, тогда сегодня в семь к часам на Пушкинской подходи, от нас тачка будет. Все, свободен...

Алыча выпроводил его из машины. «БМВ» мягко тронулся с места и, набирая скорость, смешался с транспортным потоком. Леон остался один.

Глава вторая

«Девятка» цвета мокрого асфальта подъехала к Пушкинской площади в десять минут восьмого. Из нее вышел бритоголовый мордоворот в спортивном костюме и кожаной куртке, лениво огляделся по сторонам. Рост под два метра, в плечах размах. Только рожа не богатырская, а явно бандитская. Массивная золотая цепь на его накачанной шее блестела в лучах заходящего солнца.

– Меня пасешь? – спросил Леон.

Он подошел к нему бесшумно, и голос его прозвучал для мордоворота громом среди ясного неба. Тот аж вздрогнул.

– Ты Булат?

– Он самый...

Критическим взглядом мордоворот осмотрел его с головы до ног. Вроде остался доволен.

– Давай в машину, – буркнул он и первым занял место на переднем сиденье.

На заднем сиденье нервно перетирал челюстями жвачку еще один крепыш. Длинные косматые волосы, грязная куртка, потертые джинсы. И кроссовки не первой молодости. Почти все как у Леона. На длинных пальцах с полосками грязи под ногтями два перстня, не золотых и даже не серебряных. Перстни эти на зоне иголкой и тушью наводились. Две ходки у пацана, по два и четыре года. Первый срок по малолетке...

– Балык, – не подавая руки, представился он.

– Булат...

– А я Будильник, – соизволил наконец-то назваться мордоворот.

Но при этом даже не обернулся. Крутым прикидывается...

Пацан за рулем промолчал. Слишком старательно всматривается в дорогу. Явно чувствует себя не в своей тарелке. На вид ему лет двадцать, крепкие покатые плечи и шея борца, бицепсы, трицепсы на руках не слабые. Кожа нежная, гладкая, ни одной наколки на ней, на щеках румянец играет. Совсем молодой, а все туда же, в бандиты...

Машина проехала через всю Пролетарскую улицу, остановилась.

– Видишь ларек? – Не оборачиваясь к Леону, Будильник протянул ему деньги.

– Ну и?..

Но Леон даже не шелохнулся.

– Сбегай, пивка купи. Сушит...

– Я тебе в «шестерки» не нанимался, – отрезал Леон.

– Не, ну ты чо, я же без обиды...

– Да мне хоть так, хоть этак. Сказал, не пойду, значит, не пойду... Еще вопросы?

Будильник недовольно крикнул. Но возникать не стал.

– Может, ты, Балык?..

– Ты чо гонишь, в натуре? – набычился тот.

И тихонько толкнул Леона в бок. Дескать, хрен этому козлу, а не ларек...

– Кот, давай ты! – В голосе, обращенном к водиле, послышалась твердость металла.

Но это был какой-то фальшивый металл.

Кот возражать не стал. Схватил деньги и пулей вылетел из машины. Точно, по всем понятиям молодой...

С Пролетарской улицы «девятка» свернула на Кропоткинскую, еще несколько поворотов, и вот они останавливаются на перекрестке двух дорог, выходят на небольшой пятачок на стыке двух высотных домов. Рядом еще «девятка» серебристого цвета. Из нее на пятачок вышли три пацана. Во главе их среднего роста, но необъемный в плечах детина со злым колючим

взглядом. Бритый затылок, тяжелая золотая цепь на воловьей шее, кожаная куртка. Не обращая внимания на Леона и Балыка, он с ходу наехал на Будильника.

– Я не поня-ял, чо за дела? – скривился он, чуть не хватая его за грудки. – Я когда сказал быть?..

– В двадцать пять минут... – съежился Будильник.

Голос тихий, лебезящий. А ведь только что таким крутым казался. И голос был громким, зычным. Точно, Будильник... А сейчас он больше цыпленка напоминал.

– А ща сколько?

– Ну подумаешь, на двадцать задержались...

Леона Будильник подобрал на десять минут позже, чем было нужно. Потом у ларька останавливались...

– Еще повторится, я тебе голову свинчу, сечешь?.. Все, по коням, пацаны, погнали. Я впереди пойду...

– Крутой у нас «бригадир», а? – спросил Будильник, усаживаясь в машину.

Чересчур уж старательно восхищается.

Леон и Балык промолчали. Будильник пал в их глазах. С ним даже говорить не хотелось.

– Вагонетка его кликуха, сам Граф с ним за руку здороваются...

Когда прибыли на место, к ресторану «Золотая нива», короткими фразами Вагонетка объяснил им, что всю ночь, хоть до самого утра, они будут стоять у этого кабака. Если, конечно, там будут те, за кем они охотятся. А они быть должны. На выходе их нужно будет подловить и расфасовать по машинам. А потом везти куда покажут...

Ресторан «Золотая нива» – обычная забегаловка. Самое то место, где могут чувствовать себя королями второсортные бандиты вроде этих двух с тяжелыми серебряными цепями и золотыми «гайками» на пальцах.

Леон и Балык заняли место за столиком, сделали заказ. Им повезло больше всех. Вся братия сидела в машинах, а они могли пировать. Деньги им для этого выделили, по пятьдесят баксов на брата. Особо не пошikuешь, но и один кофеек хлебать не будешь.

– Пусть пожируют, козлы, – стараясь не смотреть на баульских «быков», сказал Балык.

– Ублюдки, брата моего палками забили, – хмуро изрек Леон, разливая водку по рюмкам. – Ну ничего, отольются кошке мышкiny слезки...

– Так это из-за твоего братана вся эта канитель? – удивился Балык.

– Да вроде как...

– Значит, ты просто за братана подписываешься?

– Ну а чего, в стороне стоять?..

– А я думал, ты из нашей «бригады»...

– Да нет, я сам по себе...

– Ну, ну... – Балык как-то подозрительно посмотрел на него.

– А ты давно в «бригаде»?

Леон знал, что «бригада» – это что-то вроде подразделения в бандитском формировании.

– Со вчерашнего дня, – неохотно ответил Балык. – Да у нас все только что с улицы...

Вагонетка сам «бригадир» без году неделя. Он у Графа в «торпедах» ходил, а ща на повышение, типа, пошел... Графу щас «пехота» нужна... Слушай, а ты на точняк знаешь, что сам по себе? Кто это тебя так развел?

– Да никто, сам мыслю...

– Ну и мыслитель ты, в натуре... Сам срубить должен, что теперь ты с нами до гроба... Тебя счас кровью повяжут. – Балык мельком глянул на двух братков из враждебного лагеря. – И все, ты наш по самые уши. Сечешь?

А ведь он прав. За брата он отомстит. Но кровь его обидчиков закрепит его в «бригаде» Вагонетки... Леону стало не по себе. У него в планах не было становиться бандитом.

Сейчас ему еще позволят уйти, но после разборки с баульскими братками ему оставят только один выход – через кладбище. Ну что, встать и уйти? А как же Иван? Что, пусть другие расквитаются за него с Баулом? А ведь совсем недавно он рвался в бой, деньги у Жоржа на оружие требовал...

– Ты этта, я слыхал, на зоне вроде как чалился. За мохнатый сейф, или мне туфту впарили?

– За мохнатку, ага... Только это туфта. Чистой воды подстава. Баба моя хотела под венец, ну и нашла способ, заяву ментам накатала... Если бы не Граф, продырявила бы меня братва...

– Так чо, Граф за тебя подписался?

– Было дело...

– Ну так чо за дела? Пацан, я вижу, ты нехилый, Будильника вон как обломал, коз-зла! Вон Граф за тебя подписался уже второй раз, за братана твоего впрягся...

– А правда, из-за братана моего этот сыр-бор? – спохватился вдруг Леон.

Вдруг его на живчика берут?

– Брательник твой каратяка?

– Ну да...

– В реанимации сейчас откисает?

– Ага...

– Точняк, его Граф кроет... Мы вчера с Вагонеткой, как вот сейчас с тобой, киляли. Он-то пацан правильный, в доску свой. Это он сегодня такой смурной, потому что в деле. А так свой пацан... Короче, Граф сейчас с Баулом крепко сцепился, «мясняя» намечается. И твой брательник, если без обиды, типа как зацепка для Графа. Баул твоего братана обидел, а Граф за него подписывается. Вот сейчас уродов баульских срубим, это как счет за твоего братана.

Ясно. Иван для Графа – средство сведения счетов с Баулом... Что ж, хотя бы и так...

– А мне по хрену, какой расклад. – Леон наполнил рюмки. – Хоть как, но я урою этих ублюдков...

– Во, наш базар... Короче, ты давай к нам по полной программе... Граф ведь своих в обиду не дает. И «бабки» иметь нехилые будем. Ты хоть знаешь, сколько нам причитается за этих козлов?..

– Не-а...

– По штуке баксов... Во как!

И это за один вечер. Леон задумался... Есть у него путь, которым можно добраться до Наташи. Он станет «быком» у Графа. Махалово, пальба, кровь своя и чужая. Через все это нужно пройти. Граф должен заметить его, выделить из толпы. Возможно, он займет достойное место в иерархии мафиозной структуры Графа. И этим приблизится к Наташе...

Пальба, кровь... А разве Леон не привычен к этому? Афганистан, зона... Такие вот жизненные университеты. Куда после них? Да туда же, в «бригаду» Вагонетки...

– У меня уже две ходки к хозяину. Да у меня на лбу выбиты судимости. На работу меня хорошую хрен возьмут, только в грузчики, мать их так... Вот и приходится чем попало промышлять. Там что-нибудь слямзишь, там... И все ждешь, когда тебя менты закоцают... А счас мне все по фигу. Меня Граф кроет, я у него в команде. Кому хочешь глотку за него перегрызу...

Балык зыркнул по сторонам злым взглядом и снова наполнил рюмки. Один пузырь уже приговорили... – Харэ, братан! – Леон отставил в сторону вторую бутылку.

– Э-э, ты чего? – вскинулся Балык.

– А того... Наше дело не водку жрать, а клиентов пасти...

Терзания и сомнения вдруг исчезли. Решено – Леон остается на бандитской тропе. Как будто и нет никакого другого выбора...

Леон покосился в сторону баульских «быков». Один из них небрежно достал из кармана куртки несколько купюр разного достоинства и швырнул их на поднос официантке. И вдобавок шлепнул ее по толстой заднице.

– Неужто уходят?..

Да, братки уходили. Медленно поднялись и ленивой походкой двинулись к выходу.

– ...Да в сауне попаримся, Кузьмич давно ждал...

– Только «мочалок» поднять надо...

– На Староградскую смотаемся...

Это услышал Леон, когда они проходили мимо них.

Ага, в сауну намылились. Только не то место им сегодня напарят. И без «мочалок»...

Баульские вышли из ресторана, спустились по ступенькам, остановились. Леон и Балык тут же нарисовались у них за спинами. Все просто, как дважды два. Леон саданул замком рук по спине своего клиента, Балык прилепил кулак с кастетом к затылку своего. Оба «быка» в отключке произвели стыковку с землей.

– Э-э, чо тут за дела? – сквозь бабский визг услышал вдруг Леон справа от себя.

Он повернул голову и увидел, как из темноты на свет выступили еще двое. Кожаные куртки на широких плечах, квадратные физиономии...

– Во блин, Мазура и Хамона замесили...

Все ясно, это братки из враждебного лагеря. Леону хватило мгновения, чтобы осознать это. Еще мгновение он приближался к одному из братков, который имел неосторожность сунуть руку под куртку. Наверняка ствол хотел достать.

Мощным ударом ногой Леон протаранил его в пах, сбил с точки опоры и другим ударом той же ноги достал пяткой в челюсть. Балык вцепился в руку второму, не давая вытащить ствол. Но при этом получил локтем в нос. Обильно хлынула кровь, но Балык не ослаблял хватку. Как раз в это время подоспели пацаны из машин, вырубил брыкающегося братка.

Вся эта процедура заняла считанные секунды. Зато пришлось повозиться, заталкивая «дрова» в машины. Четыре тела вместо двух. Но ничего, справились...

В «девятке» было тесно. Шутка ли, шестеро в салоне, двое из них в отрубе, да еще смотреть нужно, чтобы в себя не пришли да бузить не начали...

Ехали не меньше часа. Далеко за город забрались, в какую-то деревеньку заехали. Потряслись по ухабам и завернули во двор потемневшего от старости дома.

– Выползайте, суки! – гаркнул Балык, вытряхивая из машины баульских.

Те уже давно пришли в себя и пару раз успели получить по зубам.

Во дворе, кроме двух «девяток» Вагонетки, стояли еще машины. Черный «БМВ» и джип «Гранд Чероки». Возле них накачанные пацаны в кожаных куртках, у каждой тачки по одному. В руках у них были помповые ружья. А ведь ни Леону, ни Балыку не дали даже «нагана»...

– А ты ниччо, пацан, лихо дела закручиваешь, – снизошел до похвалы Вагонетка, когда всех четверых баульских затащили в хату.

И покровительственно похлопал его по плечу. Типа хороший песик, хороший... Леону это не понравилось. Но на лице недовольство не отразилось. В отличие от Будильника, Вагонетка внушал ему определенное уважение.

– Я слышал, ты карате занимался...

– Занимался...

– Похоже... И в Афгане служил...

– Было...

– Да вроде...

– Ты Кнута знаешь? – пристально глядя в глаза, спросил Вагонетка.

Кнута он знал. Четыре года на зоне по карате его натаскивал. Но к чему вопрос? К добру или к худу? А если Кнут личный враг Вагонетки? Такое ведь может быть...

– Да кто ж его не знает...
– Ты мне баки не забивай, говори, знаешь или нет?
– Знаю...
– Знаешь, и все? А ведь ты его не просто знаешь, ты его карате учил... А Кнут пахан авторитетный, его слово и тебе вес придать может...
– А я на чужом горбу в рай не въезжаю...
– Да? Ну ладно... А чего про черный пояс свой молчишь?
– Я ж его не за язык получил...
– Про награды свои афганские чего не расскажешь? – продолжал допытываться Вагонетка.

И сверлил его тяжелым взглядом.
– Мы же не на пионерском собрании...
– Непростой ты пацан, Булат, непростой... Кстати, а кликуха у тебя не слабо звучит...
– Да уж...
– Что ж, поживем – увидим. Может, не в цвет твое погоняло...
– А вдруг не увидим?.. Может, я в сторону отвалю...
– Не-а, не отвалишь, – недобро усмехнулся Вагонетка. – Или с нами, или в расход, только так карты и ложатся. Сечешь?

– Короче, копейка вход, рубль выход...
– Это в других «бригадах». У нас выход – пуля...
Пространство между ними, казалось, наэлектризовано до предела. Еще чуть-чуть, и проскочит искра.

– Да ты не страдай, я уже для себя все решил...
– Ну тогда живи... – разрядил обстановку Вагонетка. – Я «бригадир», ты «бык», мое слово для тебя закон. Срубил?
– Срубил...
– Ну и ладно... А теперь пошли...

Из всех пацанов, толпящихся у машин, Вагонетка выбрал только Леона. Повел его за собой в дом.

Обычная деревенская изба. Сени, две комнаты с примитивной обстановкой.

В первой комнате валялись связанные бауловцы. Под присмотром качка в кожанке и с «помповиком». Одного пленника уже усадили на стул в другой комнате, привязали к спинке, закинули кверху голову.

На лавке в углу комнаты сидел неприметного вида мужичонка. Казалось, он здесь посторонний и удивительно, что его не гонят прочь. Но так могло показаться только с первого взгляда. Скоро Леон понял, что мужичонка здесь главный.

Рядом с пленником стоял мужчина в белом халате. Неторопливо, с садистским блеском в глазах он раскладывал на столе инструменты. Длинные иглы, ножницы с зажимами, кусачки, скальпель, склянку с камфорным спиртом. Орудия пытки. Пленник смотрел на эти приготовления полными ужаса глазами. Когда «доктор» достал и положил на белую скатерть бинты и вату, он едва не потерял сознание. Такова психика человека. Бинты ужасают даже больше, чем раскаленные иглы...

Пытки еще не начались, а пленник был уже полностью деморализован.

– Буркалы разуй, а хлебало на замок, – шепнул Леону Вагонетка.

Это значило: «смотри и молчи».

– Ну что, милоч, будем говорить? – елеинным голосом спросил мужичок.

– Не, ну вы скажите, чо надо? – Пленник был в панике.

– Булатников Иван Геннадьевич – это имя тебе что-нибудь говорит?

Леон приободрился. Значит, действительно этих гадов взяли из-за Ивана. Каким боком к этому делу примешался Граф, неважно. Главное, справедливость восторжествует...

– Да нет, ничего...

Мужичок сделал едва заметный знак «доктору». Тот взял иглу потолще и вплотную подступил к пленнику. Сжал пятерней его большой палец, поднес к ней иглу.

– Не надо!.. Знаю, я знаю...

«Доктор» брезгливо отбросил его руку и отступил на шаг.

– Говори...

– Булатников Баула с ног до головы обосрал... Как же мне о нем не знать?..

– Кто приказал его избить?

– Избить?.. Да вы чо?

На этот раз «доктор» вонзил под ноготь иглу. Воздух сотряс дикий вопль. Хотя уши ватой закладывай.

– Баул отмашку на козла этого дал, – сказал пленник, когда к нему вернулась способность говорить.

– Это кто козел?! Братан мой?!

Какая-то сила сорвала Леона с места. Он подскочил к баульскому и наотмашь хлопнул его раскрытой ладонью по морде. Из носа хлынула кровянка.

– Что ж, за козла нужно отвечать, – даже не взглянув на Леона, одобрил его действия мужичок. – Только прошу больше без самодеятельности...

Вагонетка схватил Леона за майку и потянул на себя.

– С тебя штраф – полштуки баксов, – сквозь зубы тихо процедил он. – А еще дернешься, я тебе ливер на фарш пушу...

У Леона хватило ума не ответить на это дерзостью.

– Значит, это Баулин Борис Петрович велел покалечить Булатникова?

Больше всего мужичок напоминал следователя прокуратуры...

– Какой Баулин? – не понял пленник.

– Баулин Борис Петрович, он же Баул... Теперь ты, надеюсь, понял?

– А ну да... так бы сразу и сказали...

– Сейчас тебя раскоцают, рожу свою в порядок приведешь, причешешься. А мы из тебя телезвезду делать будем...

– Какую еще, в натуре, телезвезду?

– Если хочешь, можем сделать из тебя телеведущую, – усмехнулся мужичок. – Маргариту там какую-нибудь или Оксану...

– Не, ну вы чо, в натуре... – Пленника аж затрясло.

– Ладно, не бойся, петушить тебя не будем... Короче, тебя спрашивают, ты отвечаешь, как будто интервью у тебя берут. Обо всем подробно нам расскажешь. А мы тебя на камеру снимать будет...

– Да вы чо, мне же Баул яйца отрежет и сожрать заставит...

– А ты думаешь, мы не можем сварганить такой деликатес? Очень даже можем... А потом ты у нас умирать будешь, медленно и мучительно... У тебя нет выхода, дорогой. Не ты, так твои кенты перед камерой засветятся... А неплохо вышло, да? Мы пятерых вычислили, к рукам прибрать двоих собирались. А зверь сам на ловца набежал. Четыре рыбины в сети угодили. Неплохо, да...

– Ваш фарт, – уныло согласился пленник.

Значит, все четверо захваченных бауловцев избивали Ивана.

– В общем, ты понял, нам есть из кого выбирать... Ну так что, даешь интервью?

– А куда деваться?

Из камеры пыток комната превратилась в телестудию. Бауловца привели в порядок, взяли в объектив видеокамеры. В течение десяти минут он дал исчерпывающие ответы на все вопросы. Рассказал, как, почему и по чьей команде был избит председатель городского совета бесконтактного карате.

– Спасибо за интервью, – поднимаясь, сказал мужичок.

– Тех тоже под раздачу? – спросил у него Вагонетка и кивком головы показал на соседнюю комнату.

– Нет, нам и одного, хм, интервью хватит... Кончайте...

Мужичок вышел из дому, сел в джип «Гранд Чероки» и был таков. Вслед за ним в темноте ночи растворился и «БМВ».

Четыре пленника остались в полном распоряжении Вагонетки. Он собрал в доме всех, кто был с ним. Леон, Балык, Будильник, Кот и еще трое из серебристой «девятки» – Паста, Гудым и Зубатый. Семеро, он восьмой. Вот и вся «бригада». Но Вагонетка держал себя так, будто под его началом была как минимум сотня бойцов.

– Ну чо, Булат, за брата своего расчет даешь? – Вагонетка перевел взгляд с Леона на бауловца, которого снова привязали к стулу.

– Пусть развяжут, я его ногами в живот буду бить...

Пускай обороняется, все равно Леон из него форшмак сделает.

– Не-а, в живот не ногами надо, – покачал головой Вагонетка.

Он полез под куртку, извлек «тэтэшку», из кармана достал цилиндрик глушителя, навинтил его на ствол.

– На вот, держи! – И протянул пистолет Леону.

– Зачем? – растерялся тот.

Одно дело драться, другое – убивать.

– А чо, слабо? – с торжеством во взгляде посмотрел на него Вагонетка.

– Да ты гонишь! – взвился Леон.

И взял в руки пистолет.

Пленник в ужасе смотрел на него. Понял, что пришла пора умирать. И убить его должен Леон... Это будет мстью за брата...

– Падла! Ты моему братану череп проломил? – вызывая в себе ненависть, заорал на него Леон.

Он заводил себя, и это ему удавалось.

– Не, ну ты чо, не надо... – жалобно заскулил бауловец.

Леону и раньше приходилось убивать. Так то в бою. Там если не ты, то тебя. С десятков «духов» на его счету, не меньше, и никаких угрызений совести... Но как можно убить безоружного человека?.. Решимость покинула Леона. И все же он поднял руку, направил ствол ему в лицо.

Он мысленно вызвал картину реанимационной палаты, бесчувственного брата в гипсе и бинтах, его рыдающую жену... Он так рвался рассчитаться с Баулом, с теми, кто исполнял его волю. Даже деньги у Жоржа на оружие просил, его самого хотел в дело взять... Что, тогда порох был в пороховницах, а сейчас нет?..

– Молись, гад! – прошипел он, нажимая на спусковой крючок.

Пистолет дернулся в руке, бесшумно выплюнул пулю, гильза со звоном стукнулась о стену, нос защекотал запах пороха. Теперь ужас был в глазах Леона. Он застрелил человека. Отнял чужую жизнь... Пуля вошла баульскому в глаз. Отвратное зрелище. Леона едва не стошнило.

И все же он нашел в себе силы подавить эмоции. Возвращая Вагонетке пистолет, посмотрел на него хладнокровным взглядом. Будто всю жизнь только и делает, что вот так убивает людей...

– Ну чо, нормалек...

«Бригадир» взял у него ствол и передал Будильнику.

– Твоя очередь...

– Да без проблем! – Тот с радостью схватился за пушку.

По знаку Вагонетки в комнату втащили еще одного бауловца. Поставили на колени. Будильник сделал страшное лицо и прицелился. Выстрелом в упор он снес пленнику половину черепа. И, позируя, вернул ствол «бригадиру».

Балыку достался третий. Ему не хотелось убивать так же, как баульскому умирать. Но если последний не скрывал своих чувств – страха перед смертью, то Балык весьма искусно спрятал эмоции за каменной маской равнодушия. Рука его не дрогнула, и пуля точно вошла приговоренному в лоб.

Затем настала очередь Кота.

Этот едва не упал в обморок, когда Вагонетка сунул ему в лапу пистолет. Румянец с его щек исчез, руки затряслись, глаза остекленели. «Тэтэшка» чудом не вывалилась из рук.

– Э-э, ну ты чо, в натуре? – по-хозяйски прикрикнул на него Будильник. – Кончай его, урода!..

Последняя жертва стояла на коленях. Пленнику было страшно. Но держался он с достоинством. И даже с презрением смотрел на Кота.

– Блин, сосунков набрали... Козлы! – И еще набрался наглости сплюнуть на пол.

– Вали его! – налился злобой Вагонетка.

Он сам бы с удовольствием прикончил бауловца. Но он должен был замазать кровью Кота. Это было частью посвящения его в члены «бригады»...

Кот робко навел пистолет на пленника, зажмурился и выстрелил. Только промазал.

– Щегол! – снова презрительно скривился бауловец. – И с такими чмошниками против нас?.. Обосретесь...

– Сам обосрись! – в истерике взвизгнул Кот и выстрелил еще раз.

На этот раз пуля достигла цели, попала пленнику в шею. Тот завалился на бок, затих. И вдруг его тело ожило, забилося в предсмертных конвульсиях. Кот расширенными от ужаса глазами смотрел на него, потом вдруг его перекосило. Он выронил пистолет на пол, закрыл руками рот и пулей выскочил из дома. Стошнило беднягу...

– Ниччо, притрется, – подбирая с пола ствол, сказал Вагонетка.

– На, добей, – он протянул его Зубатому.

Ни одна черточка не дрогнула на грубом лице этого мужлана. Он спокойно сжал «ТТ» огромной клешней и разрядил в агонизирующее тело весь магазин.

– Это еще не все, – сказал Вагонетка. – Ты и ты... – показал на Пасту и Гудыма. – Чайники с них снимайте, в пакет и в машину...

Эти тоже сохраняли хладнокровие. Кивнули и начали шарить по комнатам в поисках топора. Но, похоже, здесь им ничего не улыбалось.

– А ты канистру с бензином тащи, – велел «бригадир» Зубатому.

Тот кивнул и вышел из дому.

Паста и Гудым тоже сходили к машине. Принесли с собой огромный тесак и полиэтиленовый мешок.

Леон не знал, зачем нужно снимать со жмуrows головы. Да и не хотел знать. Вагонетке видней. Пусть делает что хочет, но только без него, без Леона...

– Э-э, ты куда, в натуре? – рявкнул Вагонетка.

– Да на свежий воздух, подышать...

– Опосля подышишь. А счас кино смотри... – Он показал пальцем на Гудыма, который с хладнокровием мясника заносил тесак над шеей первого трупа.

– А на хрена?

– Надо так... Смотри!!!

И в этом жутком зрелище Вагонетка видит воспитательный эффект. Приучает своих «быков» к виду крови и человеческого мяса...

Когда отрезали голову второму трупу, в избу вошел Кот. Глянул, что тут делается, и снова на улицу рванул.

– Куда? – схватил его за шкурку Вагонетка. – Ща сам жмуrow кромсать будешь...

Кота вывернуло наизнанку. Все, что осталось у него в желудке, он щедро выплеснул в угол комнаты.

Трупы кромсать Вагонетка его не заставил. Но зато велел взяться за канистру. Заставил облить обезглавленные трупы бензином. Деваться некуда, пришлось делать.

– Ну все, концерт окончен, – собираясь выходить из дома, сказал «бригадир». – Абдулла, поджигай...

Это он все тому же Коту. Изба должна была сгореть дотла, а вместе с ней и тела покойников. Дом деревянный, костер из него выйдет первоклассный. От жмуrow только кости обугленные останутся. Попробуй потом распознай в них бауловцев, безвременно павших на ниве бандитского труда.

Со двора машины выехали, когда дом изнутри уже был охвачен пламенем.

Леон думал, что его отвезут домой. Как-никак четвертый час уже, почти утро. «Девятки» и ехали к городу, но не доехали. Свернули в сторону сразу за постом ГАИ, углубились в какую-то сосновую чащу. Неужели снова кого-то мочить?..

На душе у Леона было мутно. Ну и ввязался же он в дерьмо!.. Но пути назад нет – это ему дали понять. Так что терпи, казак, атаманом будешь... Атаманом разбойников... Тогда уж точно Наташа будет принадлежать ему...

Он уже засыпал, когда машины остановились. Асфальтовая площадка перед деревянным домом. Опять изба... Но эта изба не совсем обычная. Декоративная какая-то – веселая, нарядная. Да это же кабак. «Хижина охотника». Но ведь ночь глубокая. Неужели ресторанчик этот работает?

Вагонетка вывалился из машины, собрал вокруг всех своих «быков»...

– Ну чо, братва, повеселимся? – довольно почесал пузо «бригадир».

– О-о, ничтяк! – прогундосил Будильник.

Оживились и все остальные. Особенно Кот. Похоже, этот паренек подался в бандиты из романтических соображений. Моднo, видишь ли, сейчас бандитом быть – все тебя боятся, все тебя уважают. И кабаки тебе, и бабы. А вот о том, что убивать придется, не подумал...

Двери кабака были открыты. Посреди зала, обшитого лакированным деревом, стоял длинный стол. Белая с узором скатерть, деревянная посуда, трехлитровая бутылка с водкой, холодные закуски: икорка, осетровый балычок, сервелат, сыр, соленые огурчики, капуста квашеная.

– Давай к «поляне», братва. – Вагонетка держал масть радушного хозяина.

Расселись за столом. Бульдозер что-то сказал Коту, и тот схватился за пузырь. Ага, «разводящим» его назначили...

Леон не возражал, когда ему наполнили стограммовый стакан. Как раз то состояние, когда ужраться самое время...

– Ну вот, состряпали типа команду, – нанизывая на вилку кусок осетрины, сказал Вагонетка. – И дельце сварганили первое в цвет, без вопросов... Теперь мы все типа один кулак. И все кровью повязаны... Но ладно, расслабьтесь, хватит сегодня про жмуrow. Сегодня гуляем... Завтра опохмел... А послезавтра я вас в спортзале прессовать начну. И бухла ни-ни, целый месяц, Граф так сказал. А это сами понимаете... Ну чо, вздрогнули...

После второй стограммовки Леона отпустило – он повеселел. И у Кота снова румянец появился. С аппетитом колбаску уплетает. Ему бы сейчас на десерт одну из голов, которые в багажнике в мешке валяются...

– А теперь сюрприз! – осклабился Вагонетка.

Леон повернул голову в том направлении, куда смотрел «бригадир». И увидел красоток в костюмах греческих богинь – сандалии, короткие шелковые туники, диадемы из фальшивого золота. Восемь их, ровно по счету. Плавно вышагивают, удлинненными ресницами хлопают, ярко накрашенные губы в улыбке растягивают. И не налегке идут. У кого поднос, у кого кастрюлька... Горячее несут. Не все же холодными закусками баловаться...

– Во-о, горяченькое! – Будильник аж привстал со своего места.

Под горяченьким он понимал вовсе не шашлычок с пловом.

Девчата поставили блюда на стол и, покачивая бедрами, удалились.

– Э-э, не понял, чо за дела! – зазвенел Будильник.

– Баньку девочки пошли топить, баньку, – успокоил его Вагонетка. – Ты давай харч рубай, а то стоять не будет...

Кто засмеялся, кто просто заулыбался. Всем хотелось поскорее добраться до девок.

Ресторанчик и сауна составляли единый комплекс. Сауна приличная во всех отношениях. Пар сухой, горячий, кости прожаривает. Бассейн есть: широкий, глубокий. Душевая, само собой. Ну и, конечно же, комната отдыха. Кресла кожаные, диваны, тепло, светло, словом, полный комфорт. Пиво, раки – красота! К пиву еще и девочки прилагаются...

Пиво легло на водку, получился ерш. Мозги у братков съехали набекрень, и началось... Девочек хватили прямо в душевой, в парилке, в бассейне, ставили в позу и... Визги, стоны... А они что, курвы, хотели?

Леон в оргии не участвовал. Распаренный, закутанный в простыню, сидел за столом, балдел, попивал пивко, крошил раков. И совершенно не обращал внимания на Вагонетку, который жарил свою телку на диване за его спиной. Впрочем, и тот на него ноль внимания.

Дверь отворилась, и в комнату вбежала голая грудастая бестия. Длинные стройные ноги, распущенные волосы во всю спину, мордашка очень даже ничего. А за нею Кот...

– Иди ко мне, киска нетраханая! – пьяно улыбаясь, поманил он ее пальцем.

В комнату Кот заходить побаивался. Как же, там Вагонетка бабу харит.

– Не пойду, – капризничала красотка.

– Это кто тут нетраханая? – вмиг оживился Вагонетка, сползая со своей девки.

Голый, волосатый, он встал во весь рост на своих кривых ногах. Его штормило. Пьяный взгляд буравил красотку.

– Да вот она, – залебезил перед ним Кот. – Я ее в раздевалке нашел, в углу сидела...

– А я его ждала, – девка показала на Леона. – Я с ним дружу...

Ну да, сообразила. Тут расклад такой: восемь на восемь – каждой твари по паре. Кот, видно, свою «мочалку» отодрал – дорвался пацан до бесплатного. Свежачка захотелось. В раздевалку заглянул, а там бабенка. «Бабки»-то ей заплатили, а трахаться, видно, не больно хочется. Кот за ней, она сюда. И на Леона стрелки перевела.

– Ну так дружи, чего стоишь!... – вызверился на нее Вагонетка.

Повернулся к ней спиной и бухнулся на свою девку.

Кот исчез. Девушка подошла к Леону, робко села к нему на колени, обвила шею рукой.

Тепло и упругость ее тела привели его инструмент в рабочее состояние. А тут еще пальчики ее коснулись черенка...

Девушка забралась на него с ногами, заерзала тазом и ввела в себя его инструмент.

– Как тебя зовут? – спросил Леон.

– Девочка по имени Хочу... – рисуя кайф, простонала она.

На идиотский вопрос дурацкий ответ... Да и какая разница, как ее зовут?

* * *

Третий час идет тренировка. Бездарно проходит. Бег по залу, подпрыгивание, приседания, подтягивания, теперь отжимания. Уже давно пора к более серьезным упражнениям переходить. Но Вагонетку как заклинило. «Раз, два. Раз, два...» И телом отдыхает, и мозги напрягать не надо. А куда ему тренироваться. Он и методики этого дела не знает. Леон, например, мог бы занять его место. Уж куда бы эффективней тренировка прошла. Но в том-то и дело, что места своего Вагонетка уступать никому не собирается. Ему не важен физический результат. Ему нужен результат моральный.

У него под рукой девять «быков» – вчера еще двое добавились. Все они одна команда, он «бригадир» над ними. Он, а не кто-то другой, должен гонять это стадо. Бойцы должны постоянно ощущать его власть.

Вчера они эту власть не очень ощущали. Расслабился Вагонетка, с утра до ночи опохмелялся. Только к полуночи «Хижина охотника» и закрылась. По домам все рассосались. А сегодня после обеда сбор. И выпаривание спирта из крови. С нынешнего дня в «бригаде» сухой закон. И спортзал каждый день вперемешку с тиром.

– Раз... Два... Раз... Два...

Так и убаюкать себя может. И заснет еще чего доброго...

Но Вагонетка не заснул.

– О-о! Какие люди! – пробасил он, вскакивая со своего места.

В зал входил тот самый крепыш, который разговаривал с Леоном в «БМВ» два дня тому назад. Алыча, кликуха у него такая.

Они с Вагонеткой о чем-то переговорили. Алыча сделал знак, и дверь открылась. В зал вломилась толпа крепко накачанных пацанов. Спортивные штаны, майки-безрукавки, унылые морды, стеклянные глаза, бритые затылки. Под крутых косят. Но, видно, чувствуют себя не в своей тарелке. Молодые все, за двадцать едва-едва. Сразу видно, завсегдатаи подвалов с самодельными качалками. Может, в какой-то уличной банде состояли, прежде чем сюда, к Вагонетке попасть. Зоны, конечно же, никто из них не нюхал. Хотя, может, у кого-то и есть условная судимость...

Раньше под Графом исключительно «синие» ходили. И сейчас он предпочтение бывшим зэкам отдает. Но и несудимыми не брезгует. Лишь бы только здоровье было, сила и надежность. Графу нужна крепкая «пехота». Вот и шастают по спортзалам и подвалам эмиссары Алычи, качков под ружье ставят. Желающих много, но берет далеко не всех. Вот этих взяли...

* * *

Бах! Бах! Бах!..

Хорошо, наушники звук скрадывают, иначе оглохнуть можно. В закрытом помещении пистолетные выстрелы бьют по ушам особенно сильно. А стрелять много приходится. По пятьдесят патронов на брата за раз.

В «бригаде» без одного три десятка лбов – почти полторы тысячи выстрелов. Два бакса за патрон, вот и считай. А всего, говорят, под Графом уже около полусотни «пехоты», и каждый «бык» должен уметь стрелять. Немалые «бабки» через стволы учебных пистолетов вылетают.

Но Граф денег не жалеет. Ему главное – «пехотой» козырной обзавестись, и в кратчайшие сроки. Назревает великая бойня, Леон это всеми порами ощущал. Стенка на стенку, мафия на мафию. Кровищи прольется...

Обратного пути нет. Леон уже смирился с этой мыслью. Вторую неделю он уже в «бригаде». И все занятия, занятия.

Бах! Бах! Бах!

В тире не вся «бригада». Только одно «звено» из трех. Структура, как в армии: «бригада» – как взвод, «звено» – как отделение. «Бригадиром» Вагонетка. «Звеньевыми» Будильник, Зубатый и Гудым. Леон под Будильником, и Балык тоже.

С Балыком он скентовался крепко. Изменился пацан. Футболка и джинсы исчезли. Остались только кроссовки. Но и те на новые сменил. Теперь он стопроцентный бандит. Бритая голова, спортивные штаны с зелеными лампасами – красные носить западло, майка-безрукавка, куртка лайковая. И, конечно же, цепь. Массивная, тяжелая. Но не золотая – серебряная. Вагонетка строго следит за иерархией. Если ты «бык», носи серебро. Хорошо, «гайки» золотые носить разрешает. Штуку баксов Балыку отстегнули за дело. Почти все «бабки» на прикид ушли. А на золотую печатку не хватило.

Да что там греха таить, Леон тоже поддался искушению. Та же цепь, та же куртка, только кожа похуже – ему ведь в полштуки укладываться пришлось. Штрафанул его Вагонетка, как и обещал...

Бах! Бах! Бах!..

Леон первым расстрелял восемь патронов в обойме. И результат вроде неплохой. Две «десятки», пять «девяток», одна «восьмерка». И пули кучно легли.

Стреляют из «макаровых», они спортивному обществу принадлежат, у которого тир арендуется. Личных стволов ни у кого в «бригаде» нет, лишь у Вагонетки. Но «бригадир» намекнул, что Граф стволы подогнал, всех «подковать» велел. Только пушек никто в глаза не видел. Вагонетка их заникал, никто не знает, где арсенал. Оно и понятно, оружие незаконное, за него статья светит. Леону вообще бы его в глаза не видеть. Другое дело Кот. Этот как на сметану на стволы смотрит. Нравится ему по мишеням палить. А ведь не так давно в живого человека стрелял да чуть в штаны при этом не наложил. Но, похоже, в следующий раз рука его не дрогнет. Сорвал тот выстрел его с тормозов...

Бах! Бах! Бах!

Это прогремели последние выстрелы.

– Все, сушим весла, – прогремыхал Будильник.

Надменным взглядом он обвел свое войско, всех девятиерых «быков». Типичный бандюга. На него только глянешь, уже страшно. Пацаны робеют перед ним, каждое слово ловят, никто даже в малом послушаться не смеет. Леон тоже ему подчиняется. Но не боится. Раскусил он его. Это внешне он железо, а изнутри дерьмо... И Балык его не боится. И подчиняется с неохотой...

Вывалили на улицу. Свежий воздух после задымленного тира как праздник. Расфасовываются по тачкам. По три «девятки» на «звено». Можно было бы и двумя обойтись. Но Граф на транспорт не скупится, заранее им обеспечил. И со связью проблем нет. На каждую тачку по мобильнику. У Леона вот пейджер свой. Сейчас его домой отвезут. Что хочешь, то и делай. Можно телек посмотреть, можно на улицу свалить, даже в кабак заглянуть. И в любой момент сообщение на пейджер прийти может. Давай на место сбора дуй. Время – полчаса. Через день Вагонетка их по «учебным тревогам» собирает. И только попробуй дыхни на него перегаром – урлет. А если опоздаешь... Нет, лучше и не думать, что будет...

* * *

Теплые приятные руки с силой мяти спину, массировали мышцы, напрягали их, тут же расслабляли. Эта крошка с маленькими сиськами и большим задом умеет творить чудеса. После каждого массажа Баул чувствовал себя так, будто заново на свет родился.

Сеанс подходил к концу. Баул лежал на животе. Каждая клеточка тела расслаблена, в голове покой, глаза закрыты. Волшебные руки уже не мяти, а ласкали его спину. Балдеж...

И тут появился Бульдозер.

– Босс, тут это, дело такое... – Он тарахтел, как тракторный движок.

– Ну?..

– Тут это, типа, насчет Мазура, Хамона, Гмызы и Сметаны...

Недели две назад исчезли четыре боевика. Как в воду канули. Искали их. Да все бесполезно.

– Где они?.. – оживился Баул.

– Да лучше не спрашивать, – мялся Бульдозер.

– Ты целку из себя не строй...

– Короче, какая-то тачка нарисовалась, левая, без номеров. Перед воротами дома стопорнулась. Мешок из нее вышвырнули...

– Что за мешок?

– Головы там были...

– Какие головы?

– Мазура, Хамона, Гмызы и Сметаны...

– Не понял...

– Замороженные головы, даже лед с них не стоял...

– Да ты чо?

Баул соскочил со стола, сел на край, взял у Бульдозера «мальборину», закурил.

– Где тачка? – нервно спросил он.

– Да ушла. На разворот взяла да сдернула...

– Без номеров, говоришь...

– Ну да...

– Это Граф. Больше некому...

В городе появились две самостоятельные коды. Так, уличная шпана, мелочовка, ничего серьезного. Но Бубен и Мосел, центровые этих команд, перед Баулом на цырлах. Эти никогда не пойдут против него... Остается Граф.

Неужели началось?

Еще недавно Баул чувствовал себя сильнее Графа. Но ситуация резко изменилась. Меньше месяца понадобилось законнику, чтобы сколотить боевые «бригады». Около полусотни бойцов под ним, а может, и больше. И стволы у них, и тачки, и всякие прибамбасы... Надо было давить Графа, пока он не развернулся. Да что-то удерживало. Все откладывал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.